

Андрей Мансуров

Разрешенная фантастика – 3

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мансуров А. А.

Разрешенная фантастика – 3 / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание - сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других - за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках - этом и последующих. Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально. Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя. В этой части Сборника только одно произведение в жанре фэнтэзи. Остальные - сайнс-фикшн.

Мансуров Андрей.

Разрешённая фантастика – 3.

Сборник.

Предисловие автора.

Я хочу выразить свою искреннюю благодарность Редакторам Журналов, Альманахов и фэнзинов: «Космопорт», «МирФантастики», «Фантаскоп», «Знание – сила», «Наша гавань», «Полдень 21 век», «Иерофанта.нет», «Астра Нова», «Млечный путь», «Эдита», «Метаморфозы», «Журнал Великороссъ», и многих других – за то, что они любезно разрешили мне произведения, впервые опубликованные на страницах их изданий, (под этим ли именем, или под псевдонимом) опубликовать теперь и в личных Сборниках – этом и последующих.

Разумеется, темы, которые поднимаются в них, не столь социально остры и неоднозначны, как в сборниках «Запрещённая фантастика 1 и 2», и в них несколько меньше юмора, чем в сборниках «Ироничная фантастика 1 и 2». Однако, смею надеяться, что содержание произведений, включённых в них, достаточно интересно и оригинально.

Впрочем, тот факт, что они уже опубликованы, говорит сам за себя.

В этой части Сборника только одно произведение в жанре фэнтези. Остальные – сайнс-фикин.

Желаю Вам приятного чтения.

Спасибо.

1. Жертва.
2. Выживание наиболее приспособленных.
3. Обмануть обманщика.
4. Под наклоном.
5. Занимательное почвоведение.
6. Мерзкая тварюга.

1. Жертва.

Рассказ.

Плач Шавкат вначале принял за скрип металла по металлу. На ветру.

Вот только ветра здесь не было... Хм-м... Да, считай – уже года полтора.

Он ещё раз внимательно и не торопясь осмотрелся.

В мертвящей тишине как обычно казалось, что тоска и безысходность невидимым полугом нависли над пустошью, бывшей некогда жильём людей. А зима мёртвой леденящей хваткой навсегда вцепившись в сердца чудом выживших...

Нет, ничего подозрительного на покрытой свежевывающим серо-белым снегом бугристой равнине, с торчащими кое-где из-под неглубокого покрова ржавыми балками, чудом уцелевшими отдельными фрагментами стен, изломанными кусками водо- и газопроводных труб, и серыми глыбами бетона, в которую превратился цветущий город, не заметно. Никаких «шевелений», или явственно выделяющихся новых формаций, могущих служить укрытием, не видно даже в отцовский цейссовский бинокль.

Подобравшись поближе к источнику странного звука, он различил и отдельные всхлипывания, с надрывом и каким-то всхрапыванием: похоже, рыдала женщина. Охрипшая. Значит,

рыдает уже давно. Но – всё ещё взхлёб, отчаянно, так, словно у неё страшное, непоправимое горе.

Какое горе могло случиться на исходе третьего года после Катастрофы, Шавкат представлял отлично: умер кто-то из последних родных или близких. Не представлял он только одного: как в этой разгромленной клоаке, помойке, безлюдном пустыре, (Как ни назови – всё правильно будет!) словом, в полностью уничтоженном взрывными волнами центре того, что раньше было горделиво-великолепной столицей их маленькой, но независимой страны, ещё мог сохраниться кто-то живой.

Правда, вскоре обычная осторожность и привычка всегда вначале думать, а не поддаваться естественному порыву подойти и пожалеть, возобладали: он перебрался чуть ближе, и снова залёг и замер, напряжённо вертя головой в защитном бело-сером капюшоне во все стороны: а ну, как снова – подстава?

Минут через пять осторожно двинулся по кругу: проверять подозрительные места.

Однажды его уже пытались так подловить. Тогда, правда, плакала маленькая девочка, а в засаде сидели её родители и два дяди. Правда, было это почти два года назад, когда только-только спала остаточная радиация, и руины перестали, наконец, светиться по ночам. Да и он сам – совершенно не поддался на приманку. Вычислил, где могут быть самые удобные места для засад, и накрыл всех.

И ничуть не стыдно, что он убил и женщину – мать девчонки. Потому что его спасло от пули из её Макарова только то, что он вовремя перекатился за другой сугроб...

Правда, вот поживиться оказалось нечем: все припасы в крохотном подземельи-берлоге с отвратительным запахом плесени, прогорклого масла, и застарелых пота и мочи, оказались съедены. Вероятно, поэтому взрослым и пришло в голову «поохотиться». «На живца».

Ну правильно с одной стороны: не тащиться же тридцать кэмэ в пригороды, чтоб там попытаться подстрелить выживших кое-где баранов, упорно пытавшихся что-то выкопать из-под снегов долин и холмов. Или попробовать накопать оставшихся так и неубранными картошки, моркови или свеклы...

А сейчас, как выяснил Шавкат, и поля давно копаны-перекопаны, а жалкие остатки корнеплодов съедены. Прямо сырыми. Прямо на месте. Потому что всё какая-никакая – а страховка от цинги.

Вот только засеять хоть что-нибудь никто не торопится. Ха-ха.

Во-первых – некому. Во вторых – нечем. А в-третьих, ни пахать, ни, разумеется, сеять при минус десяти невозможно! Да и бараны сейчас исчезли. То ли – откочевали на юг, то ли их переловили. То ли просто – сами передохли. Им-то никто не говорил, что есть радиоактивную траву нельзя.

А вот с яблоками, виноградом, дынями, арбузами и всей прочей прелестью, которую щедро родила благодатная земля, и которую привычно называли дарами садов и полей, оказалось куда хуже. Потому что всё, что полили кислотные и радиоактивные дожди, и на что осела просто пыль после взрывов, есть смог бы только совсем уж слепой. Или отчаявшийся... Как не вспомнить анекдот советских времён про «Чернобыльские яблочки».

Так что девочку – её звали Мукаддас – пришлось забрать с собой.

Вот только прожила она у них недолго. Видать, те, кто руководил её маленькой группкой, не понимали, что такое наведённая радиация, и как опасна пыль, попадающая в Убежище без фильтра. Все трупы, из которых Шавкат повывёргивал обратно свои стрелы (слишком ценные «инструменты», чтобы оставлять вот так, красивыми жёстами), носили следы лучевой болезни: лица в проплешинах отваливающейся кожи, зубы шатаются, волос на голове нет, тощие тела. Под нижними штанами оказались подложены прокладки из хэбэшной ткани: видать, люди уже не могли усилием воли сдерживать то, что должен был удерживать клапан-сфинктер толстой кишки...

Мукаддас умерла через два месяца.

Не сказать, что она оказалась приятной «напарницей». На дежурстве не «бдила», а плакала, иногда – засыпала. Ну, рыдала-то она почти всё время. Часто отказывалась от пищи, и просила отпустить её похоронить папу и маму. Как же, похоронить – Шавкат сам занёс тела обратно в берлогу охотников-неудачников, и выломал и убрал три двери, благодаря которым там удерживалось тепло от маленького костерка в печке-буржуйке.

Идиоты! Нельзя топить в жилом помещении. Во-первых, можно самим угореть. А во-вторых, всё время засасывается воздух снаружи – хотя бы для поддержания горения. А при этом все радиоактивные нуклиды, что ещё летают в воздухе, или осели на грязно-белую поверхность снега, попадают в жилое комнату. И, соответственно, – в лёгкие.

Ну а в третьих – нельзя поддерживать огонь днём. Потому что только слепой не увидит дым, или, если даже дрова сухие – волнообразное конвекционное течение нагретого воздуха из трубы!

Шавкат тогда, забрав всё, что представляло интерес, тщательно замаскировал подвал, навалив вокруг лаза-входа обломков и кусков ржавого кровельного железа. Накидал и снега. Тщательно запомнил место.

Теперь у него имелся ещё один склад «консервов на чёрный день».

Вот только – не дай Аллах, чтоб этот день когда-нибудь наступил.

День, когда придётся есть человеческое мясо.

Он на всякий случай давно вёл «разъяснительно-агитационную» работу «среди» своей жены. Объяснял. Приводил примеры: что все установки и моральные нормы любого Общества на самом деле – чистая условность.

Что, например, туземцы Новой Зеландии считали доброй традицией съедать трупы своих врагов – убитых ли в честном бою, или из коварной засады... И как аборигены «съели Кука». Потому что их вера не то, что позволяла – а приветствовала такое! И что чёртовы майя вообще приносили человеческие жертвоприношения – чуть не по двадцать тысяч каждый год... И что условия жизни у них теперь даже ещё хуже, чем в Новой Зеландии. Особенно в смысле катастрофического положения с продуктами: магазины и склады, которые можно было растащить и разграбить, растащены и разграблены в первый же месяц.

И надеяться вырастить фрукты на растрескавшихся от мороза деревьях попросту глупо: сдохли деревья. И капитально обосновавшаяся в их широтах зима вовсе не собирается уходить.

А жаль. Три яблони, хурма и урючина давали неплохой урожай даже в их крохотном огорожке-участке. И сами варили варенье, и всем родственникам развозили. Эх, ностальгические воспоминанья... Поэтому он только недавно позволил себе распилить почерневшие скрюченные стволы на дрова.

Жена традиционно рыдала, сердилась, и пеняла ему за пропаганду людоедства. Что правоверный мусульманин должен жить по Законам Шариата, и соблюдать заветы предков. На что Шавкат не менее традиционно отвечал, что при предках, и при Пророке Мухаммаде ещё не знали такой напасти, как ядерная зима. Да и бомба...

Они часто говорили об этом. Буквально слово в слово повторяя аргументы и доводы. Всё – словно по утверждённому кем-то, и никогда не меняющемуся, сценарию, где для каждого расписаны реплики. И нет места экспромтам. Собственно, обычно так и бывает в тех семьях, что живут много лет, вырастили и поставили на ноги детей, и теперь коротают свой «предпенсионный» век – вдвоём.

Но в последнее время, когда жену стали сильнее донимать слабость и лающий сухой кашель, она уже не столь бурно выражала свой протест против того, что он предлагал. Разнообразить их рацион и мясом. Мясом людей.

Потому что всех собак и крыс, которых он смог подстрелить, или поймать капканами, они уже подъели.

Шавкат не обольщался: раз у жены появились эти симптомы, и недержание мочи, конец недалёк. Он и сам не надеялся протянуть больше ещё пары лет. Жизнь, вернее – выживание в каменно-железных джунглях, оставшихся от прекрасной и богатой Столицы, стала привычкой. Он лучше жены понимал, насколько бессмысленны их попытки «протянуть подольше». Прожить, протянуть ещё – значит просто немного отодвинуть неизбежную физическую агонию... Которая, как он знал, поистине мучительна.

А морально-то они давно себя похоронили. Потому что умерла *надежда*.

Никто на помощь, как они было думали в первые дни, не придёт.

Все сами в таком же положении. Дохленькое радио, которое ещё полгода назад кое-как ловило эфир, показывало, что, по крайней мере государственных радиостанций нет больше на планете. Остались только любители: такие же чудом выжившие крысы, как и они сами, сидящие по таким же, как у них, подвалам-норам, и теперь на всех языках мира взывающие о помощи... Чаще всего – на английском, конечно. (Его он понимал.) Вот только никто никому помощи не обещал. И об «успешно спасённых» не рассказывал.

Значит, все страны в таком же, как они (Если – не в худшем!) положении.

Перемалывая все эти, и море других горестных мыслей в жерновах полузамёрзших, и словно со скрипом ворочавшихся, мозгов, он продолжал движение. Тренированное сухопарое тело делало своё дело: искало, вслушивалось, вглядывалось, внюхивалось. (Сейчас «берлоги» людей куда как легче находить по запаху гари и прогоркшего масла коптилок. Поэтому они сами и установили в дымоходе фильтр – от глушителя джипа.)

Но, наконец, через полчаса придирчивого осмотра он убедился, что рыдающая женщина действительно – не подстава. И ей действительно горестно и одиноко.

За это время он успел описать вокруг места, где она «базировалась» полный круг, и выяснить: выпавший за ночь на старые сугробы тонкий слой снега нетронут. Не двигалось и не движется никто и ничто.

Всё, следовательно, чисто: женщина ниоткуда не пришла, а выбралась наружу из своей норы-берлоги. Интересно, с кем она так долго... Выживала.

Подходил к ней он, однако, осторожно: мало ли. Может, он недостаточно внимательно смотрел. Случается, как говаривали местные русские, и на старуху проруха. Может, эта женщина сама – охотник. Вернее, охотница.

Однако он приблизился уже на десять шагов, когда женщина наконец заметила его.

Ну как – его: камуфляжный грязно-белый маскхалат и капюшон, с серо-бежево-синими кляксами и разводами, которые он покрасил сам, отлично скрывали его тело и голову на фоне «техногенных» руин и снежного покрова. А шагов в мягких унтах не слышно. Так что заметила она, скорее всего, просто некое неопределённое движение.

Женщина вскинулась, вскочила с какого-то бревна, на котором до этого мостилась, свернувшись маленьким и беззащитным калачиком:

– Кто здесь?!..

Нет, осторожностью, или хитростью не пахнет. Невозможно так передать голосом и дёрнувшимся телом ужас и панику. Разве что она – превосходная профессиональная актриса. (Ха-ха! Где их сейчас найдёшь?! Вот именно...)

– Не пугайтесь. – он отвечал по-русски, так как она использовала этот язык. При этом старался ещё и избежать ненужных резких движений, чтоб не спугнуть. Хотя и отлично понимал, что особого основания доверять его словам, как и радушному тону, у неё нет, – Меня зовут Шавкат. Я – такой же выживший, как и вы. Местный. В-смысле, житель Столицы. – он, поморщившись, как от зубной боли, поправился, – Бывший житель. Бывшей Столицы. А кто вы?

– Я?!.. Я... – она закусила губу. Соврёт? Хотя – вряд ли: смысл? – Меня зовут Тамилла. Я... Тоже – выжившая.

– У вас кто-то умер? – он старался говорить чётко, и спокойно, продолжая незаметно для неё оглядываться. Это было нетрудно: слёзы, безобразным колышком так и застывшие на подбородке, всё ещё текли из глаз женщины, наверняка застилая поле зрения мутной пеленой, и вряд ли она видела даже его лицо – так, серо-неопределённый силуэт.

– Да. Да, отец. – она всё ещё боялась, дрожала теперь наверняка не только от холода и горя, но ещё и от банального страха: могут и съесть! Как и делает большинство выживших сейчас банд мародёров и бандитов. И он не мог её не понять, – Отец... Умер.

В первый год они и сами всех и вся боялись. Да и было с чего! Если б не то, что он ходил в секцию лучников, и не держал дома тиски и авиационную фанеру, им бы ни за что не выжить! Мародёры, особенно на второй месяц, совсем обнаглели! Ходили среди бела (Вот только он теперь – не белый. А дымчато-серый!) дня... Совали свой жадный нос везде. Вынюхивали – кого можно убить, чтоб забрать его запасы еды.

Вот так у Шавката и появились ещё два автомата АК-47, три пистолета Макарова, обрез, и семь больших ножей. Про дубины из кусков труб, и цепи от мотоциклов, можно и не говорить. Плюс три сквозных (К счастью!) дыры в бедре, икре и предплечьи. (Если б не старинная огромная банка с бальзамом Вишневского, вероятней всего, он от заражения крови бы и умер...) Плюс лёгкая контузия головы. Плюс первые «мясные» консервы в конце двора – в бывшей кладовке. В количестве двух, потом – трёх, потом плюс ещё двух штук. Всего, с учётом родных девочки-приманки – одиннадцать. Если, конечно, порядочно так называть убитых. Пусть – бандитов, но всё-таки – людей.

– Пойдёмте посмотрим. Может, я сумею чем-то помочь?

– Нет! Нет, – она вскинулась, словно он предложил свершить некое кощунство, – Не надо на него смотреть. Ничем вы ему уже не поможете.

– Хорошо, не буду. – он помолчал. Сказал:

– Тогда – может быть, чем-нибудь помочь вам? У нас дома есть пища и тепло. Или... У вас на попечении кто-то ещё?

Пауза затягивалась, и он даже подумал, а слышит ли она его вообще. Потом она всё же ответила:

– Нет. Я осталась совершенно одна. Не знаю, что мне теперь делать.

– Ну как – что делать? Собирайте ваши вещи, и идём жить к нам. – он не задумываясь предложил гостеприимство, понимая, что лишний часовой им не помешает. Вот только надо вначале убедиться, что «отец» действительно умер, и всё это – не очередная хитрая ловушка. Для наивно-добрых лохов.

Отец не произвёл на Шавката впечатления: старичок и старичок. Сухонький. Благообразный. Был, наверное, седой – а сейчас лысый.

– Когда он умер? – Шавкат не мог не обратить внимания, что от старичка... Попахивало! Возможно, оттого, что в «логове» всё ещё было явно выше ноля.

– Кажется, позавчера... Или позапозавчера. – она закусил губы, и он испугался, что сейчас вновь разрыдается. Но она сдержалась.

– А почему вы не... похоронили его тогда же – ведь он уже начал разлагаться?

– Я... Я даже не думала об этом. В-смысле, похоронить. Он же – мой отец. Он не должен был умирать! Это... Это – чудовищный сон! – она сорвалась на крик-визг, – Бред! Кошмар!!! Вот! Сейчас я проснусь, и ничего этого не будет! – она закрыла лицо руками, – И всё снова будет по-старому... мы все вместе, дома. На кухне тепло и уютно. Мама накладывает ужин – плов. А Малика опять говорит, что от него толстеют. А папа...

Она умолкла, снова рыдая, руки так от лица и не отняла. Плечики содрогались с минуту. Шавкат молчал. Просто ждал. Наконец плечики поднялись и медленно опустились, одновременно с глубоким вздохом. Вспышка истерии прошла, едва начавшись.

Как он понимал её!

Ему самому почти каждый день казалось, что всё это – кошмарный сон. Бред. Сюрреалистический сюжет из фантастического фильма-катастрофы. «Послезавтра». «Матрица». Или ещё какой-нибудь тупой антиутопии. Про ядерную войну.

Но достаточно было шагнуть, чтоб хрустящий снег, или скрипящие под ним осколки бетона и кирпича отозвались в ушах чёрной действительностью: Судный День наступил. И никто богобоязных «праведников» не спас: почти всё, что праведники, что грешники, отправились туда – к последнему Судие.

– У вас осталась какая-нибудь еда?

– Да. Немного. Папа... В последние дни не ел – говорил, что не хочет. Это сейчас я понимаю, что он просто пытался сэкономить её для меня. Вон: сухари... и мука. Полмешка ещё осталось.

Глядя на её такое, оказывается, тощее тело, Шавкат подумал, что ей этого хватило бы... Да, месяца на два. Но нужны ещё дрова.

– А дрова?

– Нет. Вот дров не осталось, – она указала жестом на печь-буржуйку у входа. – дрова кончились ещё неделю назад.

– А почему тогда у вас здесь всё ещё тепло? – Шавката вновь кольнуло подозрение.

– Это просто. Я жгла бензин. Вернее, тряпки, пропитанные бензином.

Верно. Бензином воняло. Как и всем, чем обычно воняет в таких берлогах-норах: потом, гарью, плесенью и д...мом. Его глаза, привыкшие, наконец, к темени ничем не освещаемого пространства, выявили две стандартных канистры в дальнем углу.

Надо же. Похоже, мужчина, и так бывший на последней стадии истощения, банально угорел. А почему тогда она сама не?... Ладно, неважно. Зато теперь у них с женой будет третий сменщик для караула.

– Что вы хотите взять с собой?

– Ну... – она замялась, – Вон тот тюк с одеждой и постелью. Это я уложила, когда поняла, что остаться здесь... Всё равно не смогу. Вот и сидела снаружи, тянула с уходом до последнего. Не знала только – куда податься...

Ещё вон там – сухари. Мука. Старая шуба. Два пистолета.

Он повертел их в руке. Опять Макаровы. Затем засунул в карманы парки: не пригодятся, наверное. Но и оставлять оружие здесь нельзя: вдруг мародёры ещё рыщут...

Лекарств оказалось немного: аспирин, уголь, йод, сенадексин да но-шпа. Что ж: лекарства-то точно пригодятся. Их-то аптечка, конечно, побогаче, но не взять – глупо.

Он помог закинуть ей на спину тюк с одеждой. Тот оказался лёгким. Остальные вещи взвалил на спину себе, чуть подвинув лук:

– Идёмте.

Первые два часа шли молча. Шавкат просто двигался назад по своим же следам, аккуратно обходя холмики, и ямы, в которых могли таиться предательские осколки стекла и острые куски арматуры. Женщина держалась сзади, шагах в пяти. Шла профессионально: ничто не скрипнет, не хрустнет. Значит, научилась двигаться здесь. Значит, точно – городская. Когда в город забредали наудачу те, кто выжил в пригородах, они топали и ломились, как стадо взбесившихся носорогов, двигаясь цепью, и громко переговариваясь. Но от таких поисковых партий Шавкат попросту прятался. За Дом же он не беспокоился: подвал-бункер замаскирован теперь так, что даже стоя на его крыше невозможно ничего обнаружить.

Наконец, заметив, что женщину начало качать, и она отстала что-то уж совсем сильно, он решил сделать привал. Они уселись за куском кирпичной стены, так, чтоб с того места, откуда они ушли, их нельзя было заметить, даже если кто-то и следил за ними.

Он вынул из-за пазухи свёрток с варенной вермишелью. Переломил тёплый от его тела резиноподобный круг пополам:

– Угощайтесь.

Она, молча кивнув, взяла. Ела вначале вяло, механически, но вскоре, не то распробовав, не то – поняв, что голодна – с жадностью. Он ел не спеша, всё ещё прислушиваясь, и оглядываясь: нет, ни слежки, ни преследования. Или он стал староват, и ничего не замечает из-за севших слуха и зрения?..

Солнце, вернее, тот отсвет, что оставался от него на небе, явно клонился к закату. Значит, весь долгий день конца лета прошёл. Разведка, можно сказать, прошла успешно.

Всё-таки найдено полмешка муки, кучка таблеток, старая шуба, да третий сторож.

Тоже немало, если подумать: помощь им сейчас... нужнее пищи. Потому что зрение в последние недели и правда – стало сдавать. Он уже был вынужден достать из аптечки более сильные – минус четыре – очки. От которых с непривычки глаза слезились.

– А как вы выжили? – спросила вдруг Тамилла.

Шавкат мысленно воздел очи горе. Его самого этот вопрос тоже всегда удивлял. А и правда: как они выжили? Каким чудом сложилось так, что они как раз находились в подвале, вяло переругиваясь из-за того, что из консервации уже можно открывать, а что – оставить на следующую осень...

И когда вдруг загрохотало, и на потолок подвала рухнули обломки их двухэтажного дома, он понял: это – не землетрясение. Это – она.

Война.

Катастрофа.

Слишком уж велика в последние месяцы была эта с...ная «международная напряжённость», и слишком часто две страны – обладательницы основного арсенала, перебрасывались аккуратно, а затем – и не очень аккуратно замаскированными угрозами и обвинениями-оскорблениями!.. Так что – молодец он, что настоял на покупке ещё одного мешка риса, и большой упаковки соли. Плюс масло. Растительное и сливочное. Плюс сахар, вермишель, мука...

– Мы выжили, потому что нам повезло. Когда взорвались боеголовки, мы с женой находились в подвале. Нас завалило, конечно, но я смог на третий день выкопаться наружу. А после этого мы сразу прокопали ход в магазинчик – тот стоял прямо через дорогу.

Вытащили оттуда всё, что нашли полезного: муку, рожки, консервы, печенья, бутылки с водой и напитками... Забрали даже мороженное из холодильника. Нам «повезло», что всех остальных жителей махали, практически сразу... убило. Я, как выкопался, звал, кричал – никто не отзывался. Наверное, те, кто не погиб под обломками, попросту умерли от жажды. Или ран.

Поэтому нам «запасаться» никто не мешал.

Мародёры из других районов и пригородов появились только через две-три недели.

– А-а. Теперь понятно, почему у вас ещё есть еда. Но я ещё хотела спросить... Вот у вас лук за спиной. Он такой... Странный. Это – вы сами сделали?

– Да. – он не без гордости потрогал обмотанные старинной изоляцией и покрашенные в белый цвет мощные плечи-рычаги из одиннадцатислойной авиационной фанеры. – У нас в подвале есть тиски. И инструменты. А я в «бурной» молодости посещал секцию лука. Умею и стрелять, и стрелы делать. Чинить. Трудно было только выпилить центральную втулку. – он показал сложную монолитную конструкцию, – Еле нашёл подходящий толстый брус.

– А... кем вы работали?

– Я адвокат. – он сразу понял по её вопросу, что ей непонятно, откуда столь странное увлечение. Всё верно: большинство его сверстников, да и не только, предпочитали хобби попрacticalней: делание денег. – Свободное время у меня оставалось. А нужно же как-то под-

держивать спортивную форму. Не бегать же по утрам!.. Не хотелось, чтоб соседи смотрели, как на идиота. Меня отец ещё в детстве записал. А я остался. Мне нравилось.

Он подумал, что ему и правда – нравилось. Сложно, требует силы. Координации. Иногда бесит... Но иногда – столько счастья, когда серия «идёт», и всаживаешь одну за другой... Разумеется, требует и навыков, и твёрдой руки, и интуиции. Да, главное – чутья.

Вот уж повезло, что «развил». Ведь всех нападавших уложил практически с первой стрелы. Даже тех, кто прятался: закалённые наконечники из прутка десятки легко пробивали даже черепа.

– А как называется район, куда мы идём? Над ним не... Взрывали?

– Нет. Взрывали над Каракамышом, Куйлюком и Ипподромом. Как мне кажется. А мы идём на Шофойиз. Туда, где раньше была соборная мечеть. Это – Шайхонтохурский район, ну, бывший Октябрьский. Тоже – почти центр. Махалля. Наверное, поэтому и не бомбили – мала плотность населения. Наш район «уцелел» так же, как и ваш: все здания смело ударной волной, но, в принципе, в подвалах жить ещё можно. А вот по густозаселённым районам, там, где стояли девятиэтажки, или четырёхэтажные... Да вы видели.

Он подумал, что она не могла не заметить, что ничто теперь не возвышалось над поверхностью земли выше, чем на пару метров... А ведь – было рассчитано на девятибалльные землетрясения.

Посильней такого землетрясения, значит, были удары.

– Да-а, видела. Теперь понятно. А мы... – она замолкла было, но потом продолжила. Он видел, что это стоит ей определённых усилий – не разрыдаться вновь: носик смешно дёргался, и губы она поджала, и кусала так, что те побелели, – Мы с отцом были в гараже. У него там хорошая яма. Вот там, в яме, мы и были, когда всё случилось. Отец сливал старое масло из картера, я держала ведро. Поэтому когда гараж грохнулся на «Мерседес», мы уцелели. А потом переползли в подвал. Подвал дома. У нас гараж был при доме, и яма сообщалась с ним – ну, вы же заметили лаз туда.

Да, он заметил лаз. И так и подумал: в гараж при доме. Бывший гараж. При том, что было домом.

Она кивнула:

– Да, мама и сестрёнка погибли сразу. Их раздавило стенами. Мы потом... Откопали. Чтобы похоронить. Ну, пока ещё не выпал снег, и земля не промёрзла.

Видя, что она замолчала, он сам спросил:

– А ваш отец... Он работал в аппарате Президента?

– Нет. Н-не совсем.

– А как же у вас дом оказался в этом районе?

– А-а, вот вы о чём... Нет, отец был не в аппарате, но тоже – «крупный» чиновник. Первый Зам. Генерального Прокурора.

Да, подумал он, пока всё сходится. Жить в «спальном» центре у ЦУМ-а, главного Универмага Столицы, могли только или очень «высокие начальники», или богатые нувориши... Земля там стоит – почти как в Лондоне. Просто так дом, да ещё с гаражом (Да ещё – под «Мерседес»!) и участком, не купишь. Нужно или ворочать миллионами, или...

Получить по наследству. Вот как он получил свой. А отец решил «на старости лет» перебраться в пятикомнатную на центральной улице – проспекте Буньедкор. Сказал, что хватит с него возни с ремонтом крыши, копания сада-огорода, и присмотра за деревьями и виноградником.

Шавкат его вполне понимал: возиться с землёй, как делали многие его сослуживцы, он не любил. Ну вот не было у него этой «жилки дехканина». Да и ладно.

– Надо же. Ваша правда – солидный человек. Жаль его. Ладно, поднимайтесь. Пора двигаться, если хотим добраться засветло.

До Дома добрались уже в сумерках.

Оглядываясь в очередной раз, он подумал, что у них в «норе» хотя бы потом не воняет: хоть мыться было и невозможно, обтирались влажной губкой почти каждую неделю.

Он условным образом постучал. Жена отодвинула все чёртовы засовы-крючки. Но вот дверь-люк пришлось толкать самому. Он спустился первым, подал руку Тамилле, чтоб та с непривычки не свалилась с трёхметровой стремянки с осклизлыми ступенями. Тамила спускалась осторожно, щурясь, и пытаясь приспособить зрение к слабому отсвету масляной копилки, пробивавшегося через открытую сейчас дверь предбанника.

– Гуля, познакомься. Девушку зовут Тамилла.

Гюзель, вначале молча смотревшая на их спуск, обрела наконец голос. Встала в позу. И орать стала на узбекском. Наверное, потому, что ругаться на нём ей гораздо привычнее – не нужно подбирать слова. Те сами приходили на язык, «автоматом»:

– Свинья! Скотина похотливая! Старый развратник! Где ты прятал её всё это время? А я-то думаю: куда это он таскается каждые три дня?! «Разведчик» хренов! А ты, значит, кобель вонючий, решил, что хватит трахаться на стороне, и, раз жена сильно больна, и не может, пора свою шлюху привести прямо сюда?! Или у неё там еда закончилась?!

– Дура. Замолчи. Ни с кем я не трахался. – он отвечал тоже по-узбекски, чувствуя, как кровь бросилась в лицо, и надеясь, что их перебранки не поймут, – Сегодня нашёл её там, у Театрального, в квартале для чиновников. У неё умер отец. Могла бы выразить девушке хоть какое-то сочувствие.

– Ах, сочувствие?! Ты, значит, теперь свой ...й с...ный будешь постоянно совать в чужую ..., а я, значит, должна «посочувствовать»?!.. Как давно ты её трахаешь?!

Шавкат собрался применить традиционный метод успокоения – то есть, мат, а если нужно – то и кулак, но оказался поражён странными звуками: приведённая, и сейчас тихо стоящая в углу предбанника женщина... Смеялась. Значит, всё поняла.

Правда, при внимательном рассмотрении оказалось, что она ещё и плачет при этом. Зрелище было диким и нереальным. (Впрочем, что сейчас не-дико в их «Мире»?)

Гюзель почему-то сразу успокоилась, и переключилась на женщину:

– Ты – чего? Что смешного?!

– Ха-ха... Смешного... Вы думаете, что я спала с вашим мужем? Вот поэтому и смеюсь, что смешно. Да мне и самой смешно, что я до сих пор... – она, булькнув, словно подавилась собственной слюной, или слезами, слотнула. – Всё ещё девственница.

Воцарившуюся тишину нарушил действительно удивлённый Шавкат:

– А сколько вам лет, Тамилла?

– Тридцать шесть.

– Н-да. Тогда, действительно, странно, что вы... А как? Замужем ни разу не были?

– Нет, не была.

– Нереально для Средней Азии. У нас менталитет обязывает рано выходить замуж. И ведь у вас был – отец? И – немаленький человек. Куда он смотрел?

– Куда, куда... Он смотрел только в кошельки моих «кандидатов». Все они его не устраивали. А тех похотливых старых козлов, или избалованных дебилов-сопляков, которых находил он, браковала я. Ну, как бы – в отместку. – женщина невесело усмехнулась.

Гуля смилостивилась:

– Ладно, хватит вам стоять в углу. У нас тепло. Так что снимайте верхнюю одежду, и оставьте тут, в предбаннике. Повесьте вон на вешалке, чтоб сохла. А я пока суп разогрею. Там уже стемнело?

– Да. – заперевавший назад все засовы, и прошедший в комнату Шавкат кивнул.

– Значит, можно печку снова растапливать.

– Надо же... – в голосе прошедшей в «комнату» (Ну как – комнату: помещение пять на четыре, и высотой – поднять руку, и достать до бетонного перекрытия – потолка!) Тамилы прозвучала настоящая зависть, – у вас и *книги* сохранились!

– Да. – Шавкат был горд, что удалось так много спасти. Мало ли! Вдруг – пригодятся? Хотя топить ими ужасно не хотелось бы... – Целый стеллаж. Правда, вот читать почти времени нет – то стрелы строгаешь, то на разведку ходишь, то вон – фильтр чистишь, да стекло четверное протираешь от влаги... А то не видно от грязи да испарений даже дневного света. А вы книг не спасали?

– Спасали... Но когда кончились дрова – сожгли. Вернее, это я сожгла, когда отец уже ходить не мог. У нас-то мы всё, что было можно сжечь – давно сожгли...

Шавкат подумал, что похоже на правду. Хотя и не верилось, что вот такая женщина, вернее – девушка, не оставила бы на память хоть томик стихов... Странно.

После ужина выяснилось, почему Тамилловских «кандидатов» отклоняли. Почти все они были танцовщиками.

А сама Тамилла работала в театре оперы и балета. (Шавкат фыркнул: «Навои, что ли?»). Да, в том самом. Имени Алишера Навои. Балериной.

А вот в это запросто можно было поверить: несколько нескладная и тонкая длинная фигура вряд ли весила больше сорока кило, и двигалась, действительно, довольно грациозно: несколько неестественно выворачивая ступни, словно их так поставили с детства. Впрочем, почему – «словно»? И поставили. Гуля спросила:

– И сколько же лет вас там мучили-учили?

– Шесть лет в Училище. И почти двадцать – в труппе.

– Ты – солистка? – жена решила, что если балерина моложе, и с мужем действительно не спала, можно называть её и на «ты».

– Нет. Нет, к сожалению, не пробилась. – девушка опять криво усмехнулась, и дёрнула плечиком, – Чтобы пробиться в солистки, нужно было пройти «диванное прослушивание». Ну, с нашим Главным. А я никогда не соглашалась.

– А почему тебя тогда просто – не уволили?

– А опять-таки – из-за отца. Говорю же: он у меня – заместитель Прокурора города! Ну, был. – глаза потухли.

Но Шавкат и Гуля снова переглянулись: очень похоже на правду. Такого не придумаешь. Отец – деспот, конечно... Но то, что он – большой начальник, гарантирует, что с работы не турнут, даже если и отказала шефу в интимной близости. А сольных партий и перспектив не видать как своих ушей по причине... Ну, понятно – по какой причине.

Патовая ситуация.

– И большая зарплата была у... балерин?

– Нет, Гюзель, маленькая. Даже сказать стыдно. Мы получали даже меньше, чем артисты хора – ну, те, которые подпевают солистам в каждой опере.

– Хм-м... Какого же... Вернее, я хочу спросить, за счёт чего же тогда живут балерины?

– Ну, во-первых, те, кто прошёл «прослушивание», получают как солистки куда больше. Тем, кто совсем уж ничего не может, остаётся идти в ночные клубы – танцевать какие-нибудь «экзотические» танцы живота, или даже просто – стриптизёршами. Пластика-то у всех поставлена!

– А вы... – это влез Шавкат.

– Нет. Нет. – Тамиллу передёрнуло, – Я никогда не хотела этого. Ну, «дополнительных приработков». Или – за секс-услуги. Потому что реально, те наши, кто там работал – именно с этого и кормились. Подарки. Доллары...

– Получается, большинство балерин – просто высокооплачиваемые шлюхи?

– Ну... Можно и так сказать. А дело просто в обучении. В «традициях» и привычках, что заложили в юности. Из наших девочек большинство жило «половой жизнью» уже в Училище. А как иначе? Партнёр лапает тебя и тут и там, гладит, поддерживает за... э-э... Вожделенно сопит. Поневоле и сама... Возбуждаешься. И – хочется. Снять как бы это напряжение. И ведь верно – помогает. Снять... Да и... Приятно это. Ну, *это*...

Ну – так девочки рассказывали. А у меня не было оснований им не верить. Так что потом, в театре, для них фактически ничего не изменилось. Да и для тех, кто работал в ночных клубах – всё то же самое. Только уже за деньги. И – неплохие.

– Надо же. И что – там, в театре – нет никакого этакого «волшебства», вдохновения, полёта мечты?

Тамилла долго смеялась, кашляя. Только вот не было веселья в её смехе – скорее, он отдавал злой иронией и самоиронией. Потом она вздохнула:

– В самом начале я тоже так считала. Ну, как же: все будут на меня смотреть, а я, такая вся вдохновенная и грациозная, буду нести людям радость, и заставлять верить в Мечту... Ну, и принца своего найду, конечно. Он придёт ко мне за кулисы с огромным букетом алых роз, а я... Тьфу ты. – Тамилла покачала головой, – Прошли эти годы. И эти наивные мечты.

Если честно – конечно, было трудно. Работать приходилось по пять-шесть часов каждый день. Мышцы надо держать в тонусе. Гибкость – разрабатывать. Наши солистки вообще пашут, простите – пахали, – как каторжные. Амина на шпагате сидела по два часа – чтоб в прыжке ноги раскрывались как положено – на сто восемьдесят... Нам, кордебалету, конечно, попроще. Зато – на каждый Государственный Праздник: кто выступает на площади Мустакиллик? Правильно – балет. Как же без него?..

– Так что – всё это высокое искусство – фикция? – Шавкат спрашивал не из вежливости. Как человек, никогда не сталкивавшийся с изнанкой кулис, он не совсем понимал.

– Ну, почему? Солисты, что балета, что оперы, действительно – стараются. Тьфу ты – я хотела сказать – старались. Чтоб зритель получил шоу по-полной за заплаченные деньги. Это для нас, статистов, представление – просто тяжёлая работа. Нет, правда – её нужно было делать честно, и так, как положено. Так что, думаю, зрителю нравилось.

– А сами вы, там, в труппе – что говорили про это? Как вообще жизнь там, за кулисами? – Гулю вопросы явно заинтересовали.

– Ну, говорили-то мы обычно о чём угодно, только *не* о работе. Доставала потому что за пять-то часов... Ну – как обычно. Некоторые девочки успели родить, и смогли вернуться, сохранив так сказать, кондиции. Так они и говорили – только о своих любимых и ненаглядных детишках. Остальные девочки... Хм-м... ну, я-то достаточно стара была, чтоб интересоваться всеми этими навороченными гаджетами в новых айфонах, и перепиской в интернете. Поэтому как бы... Больше молчала.

Это Шавкат понять мог. Пожилая, бесперспективная девица. Синий чулок. С которой и трахнуться не получится, но и отношения портить опасно – папа всё-таки... Похоже, Тамилла была той ещё изгойшей. Не удивительно, что так замуж и не вышла.

– Ну а сами спектакли? Неужели ничего интересного не случилось?

– А, ну как же! У нас много девочек уехало в своё время в Астану работать. На их место набрали совсем девчушек – прямо из Училища! А они-то спектаклей ещё не знают. Чего только во время работы не случилось!

Однажды один пьяный танцовщик нырнул со своей партнёршей прямо в оркестровую яму: на мужика с контрабасом. Так они оба как ни в чём не бывало выбрались оттуда через их, оркестра, дверь, и снова зашли на сцену – благо, идти всего несколько шагов!

В другой раз ещё один придурок так надрался, что не смог дотанцевать. И прямо в середине танца просто... Ушёл со сцены, громко так буркнув партнёрше: «Давай дальше сама. Я – блевать!» Потом ещё помню, на опере «Дилором» (мы там в последнем действии тоже заняты),

одну танцовщицу на пиру у хана как бы отравили. Ну, она упала, как положено – типа мёртвая. Так ребята из миманс-ов, которые должны были вчетвером её унести, подняли, и... выронили! «Выскользнула!», как их начальник потом объяснял.

Так вот – стук от удара головы по доскам был такой, что на галёрке было слышно.

Спектакль сорвали полностью – хор так смеялся, что и они петь-то дальше не смогли. И зритель смеялся. И громче всех – сама «уроненная».

Потом ещё однажды на ёлках... – Шавкат подумал, что театральная жизнь, оказывается, весьма и весьма... Своеобразна. Интересно – есть ли хоть какие-то мемуары, или романы об этом? В-смысле, которые бы именно вот так – правдиво и с юмором – раскрывали бы реальную жизнь тех, кто при даче интервью телерепортёрам, всё напирал на «вдохновение», «призвание», и прочие высокие материи...

Потому что то, что рассказывает разогревшаяся и раскрасневшаяся от пищи и тепла Тамилла, наверняка ни от кого другого, кроме старого артиста, не услышишь. Не сказать, что очень смешно... Но – оригинально. Ново.

Поэтому он не мешал Гуле с интересом слушать и задавать вопросы, сам же думал.

Не вязалось у него никак, что такую красивую и с юмором девушку так никто замуж и не взял. Даже с папой-деспотом и возрастом... Она же действительно – симпатична? А раньше, «в боевой раскраске», несомненно, считалась красавицей.

Но почему так получилось, он понял позже: когда Гуля постелила Тамилле на запасном стеллаже.

Стоило девушке развязать длинный шарф, на шее обнаружилось бордово-красное родимое пятно. Оно пересекало весь подбородок, и уходило на грудь, возможно продолжаясь и ниже... Чёрт возьми.

Он отвёл глаза.

Тамила обратилась к нему:

– Простите, а где у вас?..

Он сразу понял.

– Идёмте. – зажёл от фитиля масляной коптилки с помощью длинной лучины запасную коптилку. Провёл женщину за дверь тамбура. Поставил коптилку на полку над слесарно-столярным столом. И показал:

– Вот. Всё оно прямо здесь, в отсеке, значит, с АГВ. Чтоб и тепло, и не воняло. Ну, стену-то я сам сложил, уже потом, когда мы тут, так сказать, надолго зависли. Стали «выживать». Получается – тут же и кухня. Вон в том отсеке. Опять же – свежий воздух идёт через ватный фильтр – и к АГВ, и сюда... Поэтому смотрите: вот так отодвигаете эту крышку, а когда всё закончите – снова задвигаете. Вытяжка замаскирована кусками бетона – там, наверху. Яма глубокая, пять метров. Сам копал. С запасом. Потому что мы не знали. Сколько «выживать» придётся. Похоже, что ещё долго. Помощи ждать... Неоткуда.

Она, оглядывая мощный штабель разнокалиберных дров у двух стен «служебной» комнатёнки, большой АГВ на сто сорок литров, и стоящую рядом печь-буржуйку с соединённым сверху общим дымоходом, и площадкой с отверстиями для кастрюль-казанов, и мешки с крупами и мукой у четвёртой стены, тоже сразу согласилась. Покивала:

– Ваша правда, Шавкат. Неоткуда.

Шавкат сказал, что в первый день ей сторожить не надо. Потому что она и устала и расстроена. Тамилла сильно и не протестовала – он пояснил, что на разведку и добычу ходит раз в три дня, а потом, значит, отсыпается.

Поэтому какое-то время обе женщины просто лежали: Гуля – глядя на него, Тамилла – отвернувшись к стенке. Шавкат, уже разжёгший маленький костерок в печи под АГВ, оглядев внимательно батареи с водой, (Сам отрезал ножовкой и забил деревянными пробками ту

ветку, что вела когда-то наверх, в Дом.) убедился, что нигде ничего не пропускает, и воды в расширительном бачке хватает. После чего ушёл в предбанник, и прикрыл за собой дверь. Здесь, конечно, холодней, чем в жилой комнате, но всё-таки – и не так страшно, как сейчас будет на улице.

Ночью там опускается до минус тридцать. И это – сейчас, в конце лета. Зимой – ...рен его знает, что будет. Прошлой, когда тучи были иссиня-чёрные, и день лишь чуть-чуть отличался от ночи, стояло минус пятьдесят пять.

Он плавно выдвинул и развернул перископ. Медленно повёл тубусом по дуге.

То, что он занимался привычным делом, не мешало думать о Тамилле.

Насчёт отца...

Да, с Рашидом Саидходжаевым он пересекался, конечно, по работе пару раз. Но не очень хорошо помнил, как тот выглядел. Лицо, вроде, то. Вот только худоба...

Впрочем, кто знает: как он сам будет выглядеть – без волос, неизбежно выпадающих года через два, и на последней стадии истощения: вдруг и родная жена не узнает?..

Сама Тамилла, похоже и правда – бывшая балерина. Такие подробности закулисной жизни и специфику работы в театре может знать лишь человек, действительно долго проработавший в театре. И – именно в балете. Вот только...

Может ли помешать то, что она – балерина, тому, что она ещё и... Подстава.

Если «девица» – подсадная утка, хитро заброшенная к ним, её сообщничков сейчас будет заметно. Поскольку на небе ни одной звезды, а достать прибор ночного видения сейчас нереально, придётся им, чтобы атаковать якобы «уснувших», «поведшихся», идиотов, использовать фонари. Потому что, разумеется, ни от одной звезды, или луны, света нет. Потому что нет на небе ни звёзд, ни луны. Всё то, что вдохновляло чёртовых поэтов и музыкантов, скрывает сейчас серо-монолитная, непроницаемая пелена не то – туч, не то – облаков. И ночью не видно без фонаря, или хотя бы факела, ни зги.

А вот сам он сумел разжиться прибором ночного видения. Да – взломал склад оружия законспирированного филиала СНБ, где работал один из его защищаемых в своё время «клиентов», и взял всё, что могло понадобиться – и оружие и патроны в том числе.

Так что – никто, если только он выделяет тепло, незамеченным не останется!

Но напрасно он вертел во все стороны хитро замаскированный раструб: ни единого шевеления, или проблеска от желтизны человеческого тепла не обнаружилось. Неужели?..

А он уж было приготовил в тамбуре оба своих пистолета, и Калашникова с двумя запасными магазинами. С трассирующими пулями. Ночью лучше стрелять из АК, потому что иначе – совершенно невозможно разглядеть, попадаешь, или – всё без толку...

В два ночи разбудил жену. Та поворчала, что «можно было бы и в первую ночь подключить эту... Не девочка, чай, не развалится!» Однако на вахту заступила. Шавкат знал, что на бдительность жены вполне можно положиться: она почти не выходила из их подвала, и не нахваталась той дозы, которую неизбежно получал при своих «экспедициях» он. И зрение у неё ещё не так подсело. Да даже волосы – почти не вылезли.

Да и вообще – красавица она у него! Порода чувствуется! Даже после двух родов фигура – загляденье!

Не то что эта... селёдка. Ещё и с пятном.

Утром его разбудил запах подгоревшего бекона: никак Гуля на радостях открыла предпоследнюю банку армейской тушёнки. Не китайскую, со всяким сбоем и ливером, а – именно старинную. С мясом. И, разумеется, как всегда бывает, когда на кухне две хозяйки, пища... Слегка подгорела. Потому что «не углядли!».

Поели от души. На первое Гуля развела горячей водой суп. Из муки. На второе – тушёнка с отжатой и посоленной вермишелью.

От супа Тамилла отказалась, поморщившись:

– Спасибо. Можно, я его не буду? Мы с отцом только его и ели в последние дни. Вот здесь, – провела рукой по горлу, – стоит!

Но зато со вторым расправилась быстро: видно было, что соскучилась по мясному. Причмокивала. Руки чуть подрагивали – ложка так и сновала от общего котелка ко рту. Затем девушка, ложку уже облизывая, припомнила Гуле и вчерашний «блин»:

– Ах, прелесть какая... Спасибо. Наелась на два дня... А можно спросить: как у вас получается такой... Не твёрдый, и не мягкий – а в самый раз! – блин из вермишели?

– О! – Гуля не хотела, конечно, показать, но Шавкат видел, что ей приятно, что оценили её профессионализм даже в столь диких для готовки условиях. – Я просто ставлю *определённую* порцию воды и всыпаю туда порцию вермишели. По объёму. Вон там – мерная баночка. Получается, что ни промывать, ни сливать лишнюю воду потом не надо. Ну, или надо слить совсем чуть-чуть. Главное – всё время мешать, чтоб не подгорело. А в «блин» она формируется уже потом – в вон той бадье.

– А-а, понятно. А мы с отцом... – Тамилла снова на секунду помрачнела, – Вермишель не варили. У нас её не было. А были только рыбные консервы, да мука. Но консервы кончились. А мука...

– Да, я прикинул. Её вам хватило бы месяца на два. А вот что бы вы стали делать потом?

– Ну – как что. Я бы наверное, всё же никуда не пошла – страшно. Вот свернулась бы калачиком где-нибудь в глубине нашей пещерки, да и лежала бы себе... А потом уснула.

– Ну, это вы бросьте. Мы всё же надеемся. Что рано или поздно тучи уйдут. И тогда мы вылезем на поверхность. Чего-нибудь посадим. Из полей-гор-холмов вернутся какие-нибудь животные. Поохотимся. Что-нибудь придумаем. – Он изо всех сил старался говорить убедительно. Адвокат, всё-таки, – Только бы продержаться до этого времени. Я верю, что солнце всё же появится когда-нибудь.

– Ха-ха-ха... – Тамилла смутилась, поправилась, – Простите. Мне так кажется, что это не я, а вы – мечтатель.

– Да уж, он у меня такой. – взгляд, которым одарила Шавката жена, отнюдь одобрением не горел, – А я вот считаю, что никогда этого не случится. И надо сваливать отсюда к такой-то матери!

– Э-э, дорогая, когда я тебя научу культуре общения? Что про нас может подумать молодая девушка? Не – «сваливать», а уходить. Не к «такой-то матери», а – на юг. Впрочем, мы этот план уже обсуждали. Вряд ли на юге намного теплее. Нет: тучами покрыта вся планета. И когда они уйдут в области экватора, уйдут и здесь.

– Это тебе крысы рассказали? Или последняя кошка?

– Нет. Это я сам помню. Из того, что читал про моделирование ядерной зимы.

– Ах, скажите пожалуйста – он читал! А ничего там не было написано насчёт того, сколько продуктов в бункерах у этих тварей – что вырыты под зданием Министерства? И – под Главным Домом Правительства?!

– Нет, ничего. Да и не думаю, что и там хоть кто-то выжил. Удар был слишком внезапным. А космической обороны, или хотя бы – системы оповещения, сама знаешь, у нас нет. Дорого стоят все эти локаторы, радары, обслуживающие компьютеры и прочее такое. Так что скорее всего – никого даже не успели предупредить. Даже Самого.

– А знаете, мы с отцом слышали об этом. Ну, о Бункере. И если и правда – кто-то успел туда влезть, там должно продуктов хватить на пять лет. На двести человек. Только вот, я думаю, вы правы: никто никого не предупредил. А ударная волна... Вернее – волны – были такие, что вряд ли тот, кто был не в подвалах – ну, как вы и мы! – имели хоть малейший шанс.

– Ваша правда. Нехорошо такое говорить, но я сам... – он сглотнул, передёрнул невольно плечами, – видел разорванные, обгоревшие, растерзанные и сплюснутые тела. Понятно, что

никто не выжил, и уж тем более – через три дня. Когда мы смогли, наконец, выбраться, и уже унесло радиоактивную пыль туда – в поля... Мы поэтому и решили: запасём всего, чего только сможем! Вот, нацепили одноразовые маски, да работали, как проклятые... Ну – вы же заметили: у нас до сих пор есть даже туалетная бумага!

– Да, верно. – Тамилла мило покраснела, – Вы... Очень неплохо снарядились. Как на подводной лодке. – она обвела рукой. – Но теперь вам будет полегче. Гуля рассказала, что вы дежурите по пять часов. Теперь можно будет – по три. Я тоже хочу помочь. Выжить.

– Отлично. Считайте себя в команде. – Шавкат, разморённый теплом и сытной пищей, уже почти дремал, развалившись на своём лежаке. – Но сейчас можете тоже, как и мы – смело отсыпаться. Потому что днём мародёры теперь не ходят. Да их почти и не осталось. Разве что из совсем уж далёких пригородов или районов кто забредёт. Но это – маловероятно.

Так что заступите сегодня ночью. Ваша смена будет – с пяти утра до восьми. А потом становится светло. Почти.

Он снова зевнул, радуясь, что и правда – идти никуда не надо. Всё, вроде, у них – как надо. И можно расслабиться и отдохнуть перед послезавтрашним походом:

– Ладно, милые девушки, предлагаю поспать. Вчера у нас был хлопотливый день.

Она подождала для верности час: хотела убедиться, что крошечный шарик опиума-сырца, кукнар, подброшенный в мучной «суп», сработал как надо. Сама она суп не ела.

Затем, стараясь не греметь, и плотно закрыв дверь предбанника, выбралась наружу, поднявшись по обледеневшим ступеням. Отщёлкнула задвижки, и сняла крюки с массивной двери: такую и правда, захочешь – не взломаешь!... А через дыры-бойницы можно и отстреливаться!

Осталось взобраться на ближайшую кучу мусора и поджечь зажигалкой тряпку на палке. Теперь подождать минут двадцать, пока они доберутся до неё на снегоступах.

Всё.

Отработала.

– Привет, малыш. – Шакал приобнял её и чуть чмокнул в щёку, – Всё в порядке?

– Да. – она кусала губы, – А нам обязательно – каждый раз всех – убивать? Эти, – она кивнула головой, – могли бы, наверное, и пригодиться.

– Почему ты так думаешь?

– Ну... Шав... То есть – мужчина отлично стреляет из лука. Сам его и сделал. Мог бы и нашим понаделать. Бесшумное оружие всё-таки...

– Хм-м... Интересная мысль, конечно, Балерина, но...

Но – нет. Луки нам без надобности: у нас ведь есть глушители. А насчёт сохранить им жизнь... Малышка, мы же уже говорили об этом. Так что давай не будем.

– Да, я помню, – она постаралась сдержаться, и оставить лицо равнодушным – отлично помнила его любимую поговорку: «Это – Азия. Здесь нельзя никому верить. Тем более – доверять. Потому что когда повернёшься – воткнут нож в спину...». Она всё же поморщилась, – Только неправильно всё это. Они... Может, захотели бы присоединиться. Добровольно. А то – живём, как стая гиен. Никому не доверяем. Питаемся падалью.

– Это что – очередной «бунт на корабле»? Или – приступ «совестливости»? – он даже не пытался скрыть иронии и презрения в тоне. И она понимала, что – что бы она ни сказала, Вожак их стаи, их отряда, их, называя вещи своими именами, банды, сделает по-своему. А ей может опять навалить. Или просто – оставит на пару дней без пайка, – Солнышко моё. Не забывай: мы можем в случае чего использовать Кобру, а тебя просто...

– Да, знаю. – она передёрнула плечами, и отвернулась. Она и правда, знала, что если что-то ему совсем уж не понравится, он может приказать убить и разделать и её.

И её, точно так же, как и всех остальных несчастных, которых они нашли сами, или заманили в предательский капкан, приготовят и съедят. Озверевшие и потерявшие человеческий облик члены шайки-банды... У которых теперь даже вместо имён – клички.

– Ну то-то... – он снова развернул её лицо рукой в перчатке, и посмотрел в глаза «фирменным» взглядом. Тем, от которого отдёргивались, и бежали – даже собаки!.. Ну, тогда, раньше, когда они ещё... Были близки. До Катастрофы. Она и сама знала, что пора ей и правда – «перестать», пока он не начал свирепеть, самораспалаясь, и орать – этого боялись уже и люди!

– Не дури, малышка. Иди лучше погрейся, пока мы тут всё не подчистим. Где, кстати, склад «консервов»?

– Первый – вон там, в конце двора. А остальные – не знаю. Шавкат был мужик себе на уме. Сюда убитых не притаскивал, а закапывал там, где убил. И места просто запоминал. Но они ещё не начинали...

– Ага, понятно. Ну что ж. Нам больше достанется. – он довольно хмыкнул. Потом смиловился, – Ладно, отдыхай сегодня и завтра. «Поработай» над своей легендой и девственностью. Ха-ха!.. – шлепок ей пониже спины, – Мы пока заберём тела, всё подчистим, и перетащим старика. Район этот мы ещё не работали. Вот послезавтра и начнёшь.

– А может, мне...

– Хватит. Не зли меня. Не строй из себя умную. Просто – выполняй, чего поручают. Ясно?! – по расширившимся зрачкам она поняла, что он готов. Дурь снова заполнила всю черепную коробку. Сейчас, если не заткнуться, с ним случится один из тех припадков ярости, когда он крушит всё и всех, своих и чужих, не считаясь с доводами рассудка.

И ещё она думала, что может, именно благодаря его взрывному, непредсказуемому характеру, эта банда до сих пор и выживает, успешно справляясь с другими такими же стихийными формированиями, и добывая пищу.

Пусть мерзкую, отвратительную, но – пищу.

И ещё она подумала, что несмотря ни на какую «совесть» не сможет заставить себя порвать с ними.

Продала она своё человеческое «я». За миску чечевичной похлёбки.

– Да поняла я, поняла!.. Послезавтра с обеда сяду. Только... Дай мне ту, вторую, шубу: осень уже чувствуется.

С него сразу спало:

– Дам, конечно. Что ж я – изверг, что ли, какой?.. Ладно, полезу посмотрю. Может, мне тут понравится. Тогда сделаем тут временную Базу.

Он действительно полез вниз – туда, где уже орудовали Косой, Жабон и Алапор, громко переругиваясь, и гремя не то – посудой, не то – оружием. Теперь она была уверена, что – всё. Нет больше ни Шавката, ни его Гули. И никто не будет надеяться на возвращение солнца. Потому что у них в банде никто в это «возвращение» попросту не верит.

Она осталась стоять на куче щебня, думая над словами Главаря, которые он сказал, когда она только «вливалась» в банду:

– Совесть, моя милая, сейчас – давно издохшая роскошь. Которую те, кто хочет выжить, просто не могут себе позволить. Время такое! И – обстоятельства!

«Обстоятельства»!

А вот те, кто сейчас убиты из-за того, что она, как змея, вкралась в доверие, вползла в их Дом, верили, что – не издохшая. И – не роскошь. А – норма жизни. Даже в нечеловеческих условиях они пытались сохранить человеческое лицо. И достоинство.

А вот они, их банда, явно «приспособились». Вернее – приспособили. «Мораль» – к своим нуждам. Как аборигены-людоеды Новой Зеландии, на которых любит постоянно ссылаться Вождь.

И ещё ей было интересно, что скажет про их Совесть, Мораль и Честь – Высший Судья, когда она и остальные члены чёртовой банды нарвутся, наконец, на более сильную банду, и отправятся туда, куда положено им всем уже давно?..

И ещё она задавалась вопросом: а скажет ли?

Есть ли там, наверху, действительно – *хоть кто-то*?

И если есть – то как он позволил свершиться *такому*?!

И доволен ли теперь?

Или он – по другой любимой поговорке Шакала – циник-прагматик, и «помогает только тому, кто помогает себе сам»?!

Но куда чаще она теперь думала, что человек всё же сам, исходя из своих традиций, обычаев и образа мышления, создаёт себе подходящего Того-на-которого-можно-свалить-все-свои-ошибки. И к которому можно было бы взывать в тяжёлую годину. Отлично понимая в глубине души, что сам во всех своих проблемах и виноват...

Но, похоже – таково уж свойство человека.

Ну вот не может он признаться, даже самому себе, что наделал глупостей и ошибок. И что нет у него Бога в сердце.

А только кумир, идол, поставленный на Алтарь. Прощающий все грехи, если подольше молиться.

И ещё – требующий жертв и подношений: за отпущение этих самых грехов...

2. Выживание наиболее приспособленных.

Рассказ.

Дом Корвину пришлось просто бросить. И позорно бежать.

Он не обольщался: он именно – бежит. Без боя, не попытавшись отстоять вотчину, или убить хотя бы несколько гнусных тварей, что так теснят его народ в последние годы.

Он знал – драться бессмысленно.

Если даже он и убьёт несколько самцов из первого отряда нападающих, часть – отступит и спрячется. А потом эти затаившиеся приведут других. А если убить и этих, соберётся действительно огромный отряд.

И скольких бы он не убил, остальные задавят массой. Потому что атакуют всегда – вместе. Стаей! Нападая подло: со всех сторон одновременно... И пощады от мерзких монстров не дождётся.

Да, обложили их чёртовы драконы со всех сторон.

И уже слишком близко к границам его фамильного имения подобралась тварь: буквально со всех сторон, кроме северной, теперь их поселения-гнезда. И лес осваивают, и деревья корчуют: не спрячешься, и не отступишь. И поля-луга теперь заняты их чёртовыми прихвостнями – ездунами и дойными. Плюс ещё проклятые рычащие и брызжущие слюной ищейки-нюхачи. Рышущие повсюду тоже – стаями...

И хотя непосредственно его жизни пока ничто, вроде, не угрожало, Корвин понимал – здесь заводить и воспитывать детей стало бы уже не безопасно: малышей могут убить в любой момент. Например, ночью, когда он будет спать, никто не помешает драконам подкрасться. И подло спалить его жилище – без битвы.

А если дежурить по ночам, охраняя безопасность семьи, он не сможет охотиться днём. Тогда его семья всё равно погибнет. Но уже от голода.

Такая вот дилемма.

Слишком много он знает примеров погибших именно так, от голода. Слишком гордых, чтобы попросить помощи. Почтенных семейств, исконно населявших их лес.

Мастоны, Фергюссоны, Поллоки. Эндфилды.

Хотя многие, конечно, пытались сражаться. Холмстед. Райнер. Смит... Убиты.

Питерс погиб, даже не выбравшись из полыхающего дома. А у него было трое малышей и грудничок – дети. Которых он в отчаянии выбросил на улицу через окна – надеялся на «человечность» тварей.

Зря надеялся.

Троих растерзали на месте. самого младшего, ещё не говорящего, забрали в драконье поселение. Посадили на цепь. Привязали к столбу в центре базарной площади. Где он своим жалким видом радовал цинично и злобно ржущее стадо, тыкавшее в него пальцами, и рыгающее перегаром после «отмеченного» «подвига», и три дня жалобно скулил...

Пока не умер от жажды.

Вот так, чувствуя, как когтистая рука тоски и безысходности сжимает сердце, Корвин собрал нехитрый скarb, и двинулся в леса Курабии – где пока (Тьфу-тьфу!) не водилось драконов. Во всяком случае, ближайший к его Дому Чернореченский лес настырные твари ещё не пытались подгрести под контроль, и обжить. Видать, это из-за того, что скалы и отроги предгорий не дают простора и удобных мест для житья и охоты. Корвину и остаткам людей и самим неудобно и тягостно жить в таких местах. Но куда ещё прикажете всем им деваться?!

Он прошёл уже миль пять, когда встретил Вареса с семьёй.

Сам отец семейства, состоявшего из дородной дебелой женщины по имени Рода, и пяти, обычно крикливо-непоседливых, а сейчас хмуро тащившихся за отцом отпрысков, нёс на спине немаленький тук со scarбом, пыхтя и вяло отбрёхиваясь от упрёков супруги в том, что не сумел отстоять наследную вотчину. Дети молчали, но блеск слёз, застилавших глаза младшей дочери, сказал Корвину обо всём. Впрочем, горечь от утраты родины и дома ощущали многие и многие, согнанные с насиженных мест до них...

– Привет, Варес. – Корвин остановился там, где тропинки сходились, – Привет Рода. Дети, здравствуйте.

– Здравствуйте, дядя Корвин. Здравствуйте, сосед, – дети и жена ответили раньше главы семейства, потому что смотрели вперёд, и заметили Корвина куда раньше Вареса, который, кажется, сильно устал, или расстроен – глядел только прямо себе под ноги.

– Здравствуй, Корвин. – сбросив тук на землю, Варес подал руку. Они обменялись рукопожатием, после чего Рода буркнула: «Ну, я поведу детей дальше!» – и поспешила оставить их, вильнув на прощанье толстой кормой, впрочем, скоро скрывшейся за поворотом тропинки, теряющимся за густым подлеском и стволами. Мужчины остались одни.

После неловкой паузы, понимая, что говорить не о чем (Всё и так ясно!), Корвин всё же спросил:

– Ты – навсегда?..

– Да. Смотрю, ты – тоже.

– Деваться некуда. Обложили, проклятые твари. Три дня назад, и вчера – так и вообще думал, придётся драться... Но – нет. Посмотрели на Дом, и быстро – в кусты. Разведчики. С нюхачами. Думаю, палить придут сегодня ночью. Или – завтра. Ты-то как?

– Как, как... Хреново. Пришлось вчера отбиваться. Троих уложил, огонь потушил, нюхачей – прикончил. Однако двое тварей всё же сбежали. Так что меня-то сегодня ночью точно – будут палить. Вот, поэтому и...

– Понятно. – Корвин сплюнул. Они помолчали.

Да, всё понятно и так. Слова не нужны. Лютая тоска в глазах соседа говорила ему о том, что и сам он, наверное, выглядит не лучше.

Что же им остаётся?!

Снова переселяться в отдалённые и запущенные леса, где ровного места на склонах скал и холмов не найдётся даже для носового платка?! А из зверья – только белки да мыши?

– Ладно, идём. Чего стоять-то... – Корвин помог отцу семейства взвалить немаленький тюк на спину, после чего закинул к себе на плечо и свой.

Они двинулись – Варес впереди.

Шагов через сто сосед всё же оглянулся:

– Знаешь что, Корвин... Если Король опять примет решение: всем – отступить и прятаться, я не соглашусь. И буду голосовать за нового Короля.

Корвин только кивнул. Они оба знали, понимали, да и все остальные знакомые и соседи давно считали, что старого Мойеса пора заменить. Уж больно сдал старик за последние годы. Наверное, всё ещё считает верной тупую поговорку, что «худой мир лучше доброй войны».

Ну так Собрание докажет выжившему из ума маразматику, что отступить-то уже – некуда. А прятаться – позор! Недостойно это древнего и гордого народа.

Пора и зубы показать.

Иначе – исчезнут они во мгле преданий, как уже исчез народ Эутуросов...

Во временном Лагере скопилось не меньше двухсот человек – беженцы.

И не только из Раздола, как Корвин и Варес, но и из Приречья, Тёплых Холмов, Березняков, Ключевого Распадка...

Многие, как сразу становилось понятно, обосновались здесь, под носом у суверена, давно: на опушке стояли капитально сработанные шалаши, между деревьями виднелись навесы. Да и тропинок в округе оказалось протоптано много: люди явно обустроились надолго. Может, надеялись, что если они будут постоянно мозолить глаза повелителю, он решится, наконец, начать действовать?..

Горели костры, в котлах над ними булькало варево, на скорую руку сварганенное из того, что принесли с собой, или из продуктов, выданных королевским интендантом – Вахидом.

Сам интендант, мальчишкой потерявший родителей, и поэтому бежавший из Дубравы, (Корвин не застал тех времён, когда Дубрава ещё была под властью людей.) сновал между кострами, вокруг которых ютились, кутаясь в спасённые одежды и шкуры, беженцы. И выяснял у мужчин – глав семейств, что ещё может понадобиться для более-менее сносного проживания прямо тут, на открытой всем звёздам и ветрам, обширной поляне у Королевского Дворца. Пара слуг уже что-то кому-то подносила...

Дворец из-за деревьев и навесов отсюда оказалось почти не видно. Но Корвин буквально нутром чуял, что вся многочисленная челядь, эта банда угодливых прихвостней и наглых дармоедов, сейчас пялится в окна, негодуя, и справедливо опасаясь за свои тёпленькие места: понимает, что если Мойеса переизберут, в первую очередь в три шеи погонят именно их – бездельников и тунеядцев. На содержание которых и уходит львиная доля налогов, собираемых с народа.

– Ты – как? Сам где-нибудь расположишься, или... – Корвин понимал, что с одной стороны Варес хочет, чтобы он присоединился к ним – тогда и Рода постесняется пилить и шпелить мужа всё время, и... Всё-таки хоть кто-то знакомый будет рядом.

С другой стороны присутствие чужака, пусть и соседа, будет смущать семейство.

– Нет. – Корвин повернул лицо к собрату по несчастью, – Я остановлюсь вон там, на опушке. Прямо у Дуба Полнолуния. Костёр мне разводить не нужно, поскольку варить и жарить мне нечего. Мясо – только вяленое.

– Ну... ладно, как знаешь. Заходи, если что. – по облегчению в голосе Корвин понял, что почуял всё правильно. Да оно и понятно: в такую минуту, когда горе отрыва от мест, где провёл всю жизнь сам, да и отцы с дедами устраивали вотчину, как могли, ещё свежо, и ощущается, подобно лавине, обрушившейся на голову, лучше побыть с семьёй.

Корвин кивнул, буркнул «Угу», а ноги словно сами понесли его к Дереву.

Здесь, у феноменально древнего, посаженного ещё Рэндольфом Рыжим, легендарного Дуба, уже собралась масса одиночек – тех, кто как и он, пока не обзавёлся семьёй, но уже достиг того возраста, когда старики-старейшины уже начинают ворчать и пенять: «Пора, мол, раз молодой, да здоровый, позаботиться и о продолжении славного Рода...».

Корвина эти ворчуны нисколько не смущали. Он – самостоятельный и взрослый наследник. Старший сын. И уж как-нибудь сам в состоянии определить, когда ему «продолжать Род». Да и с кандидатурами сейчас негусто: вокруг сплошь племянницы да четвероюродные сёстры... К тому же – несимпатичные. И глуповатые.

Как бы не «выродиться».

– Привет, Корвин. – с земли поднялся Фандор, почти ровесник Корвина, обитавший в Густой Дубраве, и, насколько Корвин знал, тоже, как и он сам, рано потерявший родителей, – Сам ушёл, или... Напали?

– Сам ушёл. Напасть собираются сегодня ночью. Чего мне их ждать-то?

– Верно, верно: ждать – только голову под топор подставлять. А кто это с тобой пришёл? Уж не Варес ли? – Фандор знал в лицо почти всех оставшихся в земле Шотлурд людей. Ещё подростком обладал поистине феноменальной памятью, и во время ежегодных сборов на обряд Равноденствия старался запомнить и имена, и родословную, и...

Сейчас-то Корвин понимал: амбициозный наследник Графа Людвиг уже тогда метил в новые Кандидаты. Потому что не понимать напряжённости ситуации и необходимости в переменах не мог. Корвин иногда и сам...

Но останавливал страх перед ответственностью: ведь и правда – нужно будет внимать и пытаться выполнить чаяния и надежды каждого! Подданного.

Ну его на фиг. Лишняя головная боль, да осознание того, что какое бы решение, пусть даже достойное легендарного Соломона, ты не принял, всё равно на всех не угодишь: мещане со своими болтливыми жёнушками так и так будут судачить по углам, да критиковать... Как вон – Мойеса.

Однако если уж случится оказия, голосовать можно и за графа Фандора: он ничем не хуже остальных потенциальных кандидатов, и всегда готов выслушать. И – вникнуть. А не просто согласно покивать головой да посочувствовать на словах. А по части практических советов – на основе исторических прецедентов! – ему и вообще нет равных! Да и за вооружённый отпор тварям он всегда высказывался, пожалуй, даже чересчур категорично.

Так что в качестве кандидата на должность Короля Фандор, Корвина, в-принципе, устраивал. Молод вот только.

Но, как показывает практика, со временем этот недостаток исчезает.

Не пропала бы только с этим самым временем и решимость... Дать достойный отпор наглым захватчикам. Подобно саранче вытеснивших людей с земель предков.

И отомстить за десятки уже убитых в неравном бою.

И детей – замученных теми, кто показывал (Иногда за деньги!) отловленных малышей: словно это *они* – страшные и злобные монстры!..

– Да, это Варес с семейством. На них успели напасть.

– Ну, и?..

– Да. Он убил троих, остальные смогли сбежать. Так что всё ясно.

– Да уж. Яснее, действительно, некуда. Вот и ещё одна фамильная вотчина потеряна навсегда. Ну, если только наш мудрый Король Мойес не надумает, наконец... – сверстник сделал паузу, но Корвин тон, которым было сказано «мудрый» выделил однозначно.

– Присоединяйся к нам, – Фандор повёл рукой, указывая на кучи скарба и расстеленные прямо на траве одеяла, – Здесь у нас что-то вроде холостяцкого общежития.

– Да, вижу. – Корвин и правда видел, как ему машут даже не захотевшие встать с одеял Ромул и Боммер, и жестаи зовёт Уткур. Помахал в ответ и сам, – Присоединюсь, конечно. И вот ещё что... – он помялся, но всё же выдавил из себя:

– Мойеса-то – смещать будем?

– Хо-хо, братишка! Ты пришёл как раз куда надо!

Как раз об этом мы и толкуем тут с самого утра!

Вечер прошёл приятно.

Фандор раздобыл у дворцового Ключаря подвалов бурдюк с неплохим рейнским, и они неторопливо потягивали из него, передавая по кругу. А когда бурдюк опустел, выяснилось, что Фандор озаботился припасти и второй.

– ...нет, женой она была отличной. Жаль только, что неплодной. Ну, мы и к бабке Шучихе ходили за травяными настоями, и Курт Рочен над Лони чего-то читал-бормотал... Но пока она была жива, детишек нам Бог так и не дал. – голова Уткура поникла, в углу глаза что-то предательски блеснуло. Его хозяин закусил губу: явно не хотел, чтобы кто-то это видел. Похоже, слишком сильна была любовь к жене, и не утихла ещё горечь утраты.

Затянувшееся молчание прервал Фандор:

– Прости, Уткур. Нам всем очень жаль. Мы знаем – Лони была отличной хозяйкой, и... Настоящей красавицей. Но – только не гневайся! – ты-то, ты-то! Ещё молод, силен, как мало кто, и сможешь жениться ещё раз!

– Да? Жениться-то я, конечно, смогу. Только куда прикажешь вести новую жену? Где нам жить? На пепелище дома деда Хамида? Или уж сразу – сюда, на «гостеприимную» поляну у подножия трона нашего «любимого» повелителя?!

– Это ты верно сказал... – Корвин видел, конечно, несмотря на лёгкое головокружение и эйфорию от алкоголя, что Фандор неспроста завёл беседу именно в это русло. Видать, готовился. Ну и молодец: чувствуется расчётливый политик, не стесняющийся, если надо, сыграть и на чувствах будущих подданных, – Мы здесь – скулящие и жалкие просители. Безземельные и согнанные с насиженных мест навсегда. Рабы. Затюканные и обездоленные. Бесправные, разобшённые подданные. Которые не смеют даже огрызаться, и сплываться в отряды – чтоб дать тварям достойный отпор.

Потому что это запрещает его наимудрейшее Величество.

А вот я сейчас спрошу вас: почему, как вы думаете, он это запрещает?!

Молчание нарушил Корвин – видел, что остальные не могут уже чётко сформулировать мысли, возникающие под давлением столь мощных чувств, что желваки на скулах пятерых так и ходят, а двое – так и вообще – злобно рычат:

– Не знаю, как другие, я считаю всему виной его возраст. На старости лет Мойес хочет только покоя. Да сытой жизни для своих многочисленных отпрысков. Как законных, так и бастардов. Мы же все не слепые: видели – в молодости он не стеснялся брать и наложниц. А сейчас совесть не позволяет ему отослать, как положено, младших детей устраиваться в жизни самостоятельно – как отослали наши отцы наших младших братьев.

Так вот: если начать серьёзную войну, по нашим Законам нужно возглавлять армию. И быть всегда в первых рядах, доказывая ежечасно, что самый сильный и смелый.

И – никогда не отступать и не сдаваться.

Мойес уже этого не сможет. И он это понимает. Не удивлюсь, если завтра он сам объявит о своём решении уйти.

– Согласен с Корвином. – Фандор, на взгляд Корвина слишком уж поторопился воспользоваться возникшей паузой, – Но! Если он уйдёт добровольно, просто передав власть по наследству – это будет означать, что все привилегии и земли, закреплённые за ним, останутся его старшему сыну, Эрику.

А если Собрание не возразит, и не предложит другой кандидатуры, Эрик получит и корону, и всё остальное. А если даже и предложит – не факт, что этот новый Король захочет биться с низложенным Эриком.

Тогда тот останется при вотчине – то есть, со дворцом и землями...

И новому королю придётся начинать без вотчины и даже без дворца. Поэтому, как ни подлю это выглядит, я сам собираюсь предложить на Собрании обычный путь – Поединок. Новый Король должен доказать не только свою силу, но и решимость. И беспощадность. И, разумеется, получить то, что ему причитается как Королю – и земли, и замок, и неограниченную власть.

– То есть, ты хочешь, чтоб Собрание проголосовало за новую кандидатуру, а после этого – чтоб Избранный, как обычно, сразился со стариком?! – Уткур не скрывал презрения. Да и Корвин, и все остальные понимали, что победить старика – ничего не стоит, но нужно ли начинать новое правление и смену династии с такого... Бесчестного поступка?!

– Вот уж нет! – Фандор, думавший над всем этим хитросплетением Законов и Обычаев куда дольше их всех, знал разумный выход из отвратительной ситуации, разумеется, заранее, – Никто не собирается драться *со стариком*! Ведь у него же есть законный Наследник! Старший сын. Вот *если* Мойес объявит, что передаёт Корону как положено, *по наследству*, я и оспорю передачу её Эрику. А с Эриком я хотел бы предложить сразиться избранному Собранием кандидату. Если, конечно, повторяю ещё раз – тот *захочет* отстаивать свои Права на Трон и Титул...

Собрание началось с заходом солнца, вечером следующего дня.

Который Корвин, да и остальные холостяки, провели, почти без дела слоняясь по временному Лагерю, и передавая сплетни, воспоминания, горечь утрат, и пытаясь нащупать выход из тупика, куда загнало их бездействие и трусливые Указы «маразматика», как, не стесняясь уже, что их одёрнут отцы Семейств, обзывали Мойеса даже женщины.

Корвин, словно случайно подсаживаясь в шалаши, к кострам, и просто – тюкам со спальными мешками и скарбом беженцев, как бы невзначай заводил сочувственный разговор о том, что как жаль, что столько славных семейств так бездарно погибло, и что им всем пришлось покинуть отчий Дом, да в спешке бежать с насиженных мест...

Для затравки этого обычно оказывалось довольно.

Отец Семейства обычно начинал сдержанно (а иногда – и не очень) ругаться, сжимая кулаки и потрясая ими над головой, жена – причитать, а дети – шмыгать носами.

А Корвин ещё подливал масла в огонь, говоря, что сейчас и тем, кто ещё не согнан с земель несладко: драконы попросту уничтожают искони обитавших там зверей, которые кажутся им страшными или опасными. Или просто – необычными. На которых люди всегда охотились, худо-бедно кормясь этой добычей. Так, почти не осталось единорогов, мамонтов, зубробизонов. Когда кто в последний раз видел гигантского барсука? А саблезубую рысь?.. А зебу?

Беженцы подтверждали: «верно, лет пять назад...». Да, голодать приходится теперь чаще, чем нормально питаться. И мест, где можно охотиться, становится меньше и меньше. Не говоря уж о том, что драконы зачастую просто поджигают леса, чтоб выгорели под корень отличные кормовые угодья. И чтобы те люди, что там жили, ушли. Без боя.

Потому что нет смысла биться за дымящиеся пустоши...

Корвин понял, что общество созрело и без его «тонких» намёков и «агитации». И не нужно прилагать дополнительных усилий. Для ускорения свершения того события, к которому так старательно и кропотливо подталкивали последние три года это самое «общественное мнение» Фандор и его друзья: смены правящей Династии.

Поэтому когда Мойес вышел, наконец, в центр Круга, образованного толпой беженцев, и прибывших издалека специально для этого Глав Семейств, ещё не покинувших насиженные места, все были готовы. Подсознательно, или благодаря «работе» союзников Фандора, ожидая Отречения.

Тишина, что повисла над Поляной Дуба, прямо-таки угнетала.

И, похоже, старый Король понимал, какие чувства сейчас царят в душах его подданных: не мог не понимать. Не идиот же. А – «самый сильный, самый умный, самый справедливый». Заботливый и рачительный «благодетель народа». Во всяком случае, его отца, Соломона Решительного, именно за эти качества и выдвинули в своё время.

А Мойес на первых порах старался во всём подражать отцу.

Одну только ошибку допустил. Не понял вовремя, что уже – не «самый, самый, самый...». И что пора перестать протирать ...цей Трон. И уступить место Первенцу.

– Мои возлюбленные подданные! Кхе-кхе-кхе... – старик закашлялся, заперхал. То ли от желания вызвать к себе сочувствие, то ли и правда – простудился? – Я знаю, что в последнее время на вашу долю выпало много страданий и невзгод. Проклятые драконы теснят вас, и изгоняют с земель отцов...

– А раньше он бы сказал не «вас», а – «нас!» – Фандор не удержался, чтоб не шепнуть это на ухо стоявшему рядом Корвину, – Видать, старик уже не отождествляет себя с Народом!

Корвин и сам это видел. Трясущиеся руки, подёрнутые, словно дымкой, подслеповатые глаза, что когда-то сияли ярче солнца. Старческое дребезжание в когда-то зычном голосе, который полки могли услышать хоть с двух миль...

Сдал старик.

К остальной речи Корвин почти не прислушивался – просто отмечал себе, что всё, что Мойес говорит – вполне ожидаемо, а сам в это время осматривал людей. Их реакцию. Видел, что и Фандор занят тем же – ждёт, когда в толпе возникнет, наконец, нужное для активных действий настроение. Происходящее из понимания, что старик *ничего* делать для них уже не собирается.

– ...и понимая, что сам я стар, и не смогу возглавить Поход против драконов, хочу сообщить вам своё Решение.

Я – ухожу.

Отрекаюсь в пользу моего наследника – Эрика.

Я сказал.

Кто хочет возразить?

Возразить никто не захотел. Фандор, как видел Корвин, кусал губы – ещё не время!

– Тогда я передаю эту Корону, символ дарованной вами Власти, своему старшему сыну, как и положено по Закону о престолонаследии. Эрик, подойди.

Сзади, со стороны дворца, приблизился рослый юнец с капризно-избалованно изогнутыми губами сластолюбца, явно проводившего больше времени в обществе младших наложниц, чем в зале для обучения боевым искусствам.

– Если никто не оспаривает права моего сына...

– Я оспариваю! – зычный басовитый голос Фандора выгодно отличался от старческого фальцета, – Я заявляю, что *ваш* сын не достоин носить этот символ Власти! И я, Фандор, сын графа Людвиг Сурового, предлагаю провести голосование – пусть достойного Правителя укажет Народ! А уж потом, если ваш, *бывший, то есть – отрёкшийся, сир*, сын – захочет, он сможет послать Избранному вызов! Так будет – по Закону!

– Да! Верно! Фандор дело говорит! Не... рена этому развратнику властвовать над нами! Да пошёл бы ваш сын – куда подальше!.. – выкрики из разных мест круга однозначно показали, что подготовленный «электорат» на стороне Фандора. Это видел и Мойес.

Однако формально запретить Собранию высказывать свои желания он уже не мог: все слышали, что он *Отрёкся!* То есть – он больше не их Король. А поскольку сын ещё не вступил в права наследия, то и он – не Король.

Самое время избрать достойного.

Нового.

Молодого и «самого-самого-самого...»

Вперёд выступил Уткур:

– Да чего тут думать – его зычный голос разносился легко и достигал, казалось, до самых тёмных и неприветливых глубин Черноречья, – Я предлагаю избрать Фандора. Он доказал, что самый умный. Он всегда всем сочувствовал, помогал – и делом и советом. И силушки ему не занимать. Уж он-то сможет возглавить Поход!.. Что скажете?!

Столь короткая «предвыборная» речь нисколько энтузиазма подготовленных людей не уменьшила:

– Да!!! Даёшь Фандора! Согласны! Пусть правит нами! Уж он-то не будет отсиживаться в безопасности за каменными стенами! – выкрики и гул всё не смолкали. А возражений не последовало. Уткур перекрыл своим криком всех:

– Давайте тогда голосовать! Кто – за Фандора?!

Все подняли руки.

После чего Вперёд вышел и сам Избранник. Поклонился во все четыре стороны:

– Благодарю вас, сограждане, за то высокое доверие, что вы мне оказали. Быть избранным вами – большая честь для меня.

Но для законности нашей процедуры я должен спросить: может, кто-то хочет предложить другую кандидатуру? Или найдётся человек, желающий оспорить моё Право на Трон и Корону?

Возникшую липкую тишину нарушало только дыхание, да крики сов: все понимали, что если Эрик и решится оспорить право на Трон и Корону – то только сейчас!

И Эрик не подвёл жаждущих «насладиться» боем за Корону:

– Я. Я, Эрик, сын Мойеса Смелого, внук Соломона Решительного, бросаю вызов тебе, Фандор, сын Людвиг Сурового. – впрочем, понурый вид и чуть подрагивающие плечи сказали всем, что на победу в бою с натренированным и крепким Фандором он не слишком рассчитывает. Разве что в запасе у него найдётся пара подлых, запрещённых Правилами поединков, приёмчиков...

На месте Фандора, как подумал Корвин, именно этого и следовало бы опасаться в первую очередь.

Круг даже расчищать не пришлось.

Глядя, как в неверном отблеске от сотен факелов кружат в его центре, то сходясь, то отодвигаясь друг от друга, противники, Корвин злился, сжимая кулаки.

Не может Эрик не понимать, что нет у него шансов!

Что же тогда заставило его бросить вызов? Стремление отстоять отцовскую честь? Амбиции? Наглость? Глупость?..

Нет – наследник Мойеса не может быть глуп.

Ему в первую очередь – и лучших учителей, и – самых новых книг. И сказителей Мойес приглашать любил. Чтобы, послушав исторических хроник, сын знал, чего делать стоит, а чего – не надо.

Хотя сам Моейс почему-то предпочёл всё же делать «как не надо»...

От почти обнажённых, и уже лоснящихся от пота тел противников, отблёскивало – словно там, в центре людского круга, плавают две огромных рыбы. Вставших почему-то на задние плавники. Кто-то из нетерпеливых зрителей-болельщиков крикнул:

– Да чего ты с ним нянькаешься, граф Фандор! Всё равно ведь придётся прикончить! Бой – до смерти! Так что бей, не жалея!

Фандор не отреагировал – знал, что отвлекаться нельзя. Слишком многое – всё! – поставлено на кон!

Зато у Эрика дёрнулась щека: он знал, что даже победи он, озлобление против него и отца, у народа столь велико, что тут же найдётся следующий кандидат оспорить его Права. Так что шансов выжить почти нет.

Вот он первым и начал активные действия: нырнул в ноги Фандору, пытаясь сделать подсечку, и опрокинуть противника на спину.

Не прошёл у него этот финт. Фандор и в неверном свете факелов разглядел самое начало броска, и чуть отодвинулся, а когда тело врага пролетало мимо, не встретив на пути ног Фандора, резким ударом в шею ошелолил Эрика.

Но тот не откатился в сторону, как можно было бы ожидать, чтоб передохнуть и переждать боль. Нет, Эрик из немыслимой позиции дотянулся до паха Фандора, и попытался оторвать то, что должно было передать кровь Фандора его наследникам!

Вопль графа не услышал бы только глухой вурдалак, всё ещё, по слухам, обитавший за сто миль к западу.

Но сила воли Фандора оказалась настолько велика, что он смог ударить врага лбом в висок, и когда хватка того на секунду ослабла от наверняка вспыхнувших перед глазами сотен звёздочек, исхитрился вырвать своё достоинство из подлой клешни...

После чего в толпе все, словно один человек, выдохнули.

Фандор не остановился на достигнутом: врезался лбом в висок ещё раз, а когда противник отодвинулся, подставив шею, запрыгнул ему на спину. И вцепился в горло изо всех сил там, где нужно: напротив адамова яблока.

После этого оставалось только довести дело до конца.

Когда Фандор слез с обделавшегося в агонии противника, тишина стояла такая, словно все в ужасе.

Наверное, это выпученные глаза Эрика и его посиневшее и распухшее лицо с казалось, навсегда застывшей ужасной гримасой так повлияли на людей. Впрочем, Фандор и сам не торжествовал: сел на землю рядом с телом поверженного врага, и, наконец, застонал, взявшись за пах.

Корвин и Уткур подошли, и помогли победителю встать на ноги.

Уткур сказал, обведя головой по кругу, и грозно посверкивая глазами:

– Есть ли ещё желающие оспорить право графа Фандора на Трон и Корону?

Гул голосов показал, что народ озабочен чем угодно, только не «бросанием вызова». Тогда продолжил Корвин:

– Король отрёкся. Да здравствует Король!

Тут уж заорали, захлопали и засвистели все.

Когда Мойес скрылся с места боя, никто так и не заметил.

Но на следующее утро, когда Фандор и его друзья явились в королевский дворец, чтобы вступить в Должность, там никого не было. Ни королевских наложниц, ни законных жён, ни их отпрысков, ни даже челяди.

– Ну и отлично. – Фандор, неплохо, несмотря на разговоры допоздна, выспавшийся у костра под охраной соратников, был, как показалось Корвину, даже рад, что не пришлось никого изгонять, сковыривая с насиженных мест, – Дворец нам не скоро понадобится.

Друзья. Прошу вас, объявите, что новое Собрание состоится сегодня же вечером.

Люди долго ждали. Надо дать им надежду. И веру в нашу решимость пойти до конца. Надеюсь, вы-то – со мной?

Поможете организовать воинов в отряды для битвы?

Атмосфера на Собрании теперь царила совсем другая: люди явно предвкушали радикальные перемены.

И Фандор, как понял Корвин, действительно всё спланировавший и рассчитавший заранее и до мелочей, не подвёл:

– Сограждане! Братья и сёстры! Отцы и матери! Я, как ваш новый Король, знаю, что горечь утрат постигла многие семьи. У кого-то убили родных. У кого-то – отняли детей. И водили их по поселениям драконов на цепи: словно они – жалкие и уродливые монстры, достойные только смеха и презрения. И очень многие лишились крова. Вотчин отцов. Которые из-за трусливых Указов даже не могли отстаивать в честном бою!

Наверняка проклятые драконы прониклись к нам за это время презрением!

Да и как же можно было не презирать наш Народ, если в ответ на наглый захват исконных земель, и издевательства, и смерть наших близких, мы отвечали только трусливым отступлением вглубь дремучих и неприспособленных для жизни, лесов и болот?!

И вот я спрашиваю вас, гордый люд Раздола, Тёплых Холмов, Чёрного леса, Карайских степей, и десятков других, нагло отобранных, даже не в бою, вотчин: согласны ли вы и дальше терпеть такое положение?!

Возмущённые выкрики, тут же слившиеся в рёв сотен глоток: «Нет!», «Позор!», «Смерть – наглым тварям!», «Веди нас, Фандор!», всё сказали бы Фандору, если б он и так не знал, что люди настроены решительно.

– Отлично. Я знал, что ещё остались смелость и решительность в ваших сердцах. Смелость пойти в бой. И решимость до последнего вздоха бить проклятых драконов – бить до тех пор, пока последняя тварь не падёт от руки человека! Я, как ваш Король, объявляю роду драконов непримиримую, тотальную войну! И закончится она только тогда, когда падёт последний дракон, будет убита последняя самка, и будет уничтожен последний драконий выродок-детёныш! Мы не станем, подобно подлым тварям, глумиться и смеяться над беспомощностью поверженного врага: мы попросту убьём их всех!

Кто за этот план – прошу голосовать!

Новый, куда более громкий и восторженный рёв сотен глоток наверняка преодолел расстояние до ближайших жилищ драконов.

Но теперь, когда они *решили*, это Корвина не пугало: время прятаться прошло!

– Я призываю мужчин, способных сражаться, в своё Войско. Выйдите вперёд те, кто полон решимости бороться до конца, сколько бы времени это ни заняло, за наш Род!

Вышли практически все мужчины – вышли и встали впереди. Слышно было, как женщины и дети орут:

– Давай, па! Вперёд, муженёк! Или ты у меня хуже других?! Ну-ка, старый, шевели лапками! Нет, малыш, ты ещё ростом не вышел, осадил назад, к мамке!..

Фандор поднял руку – мгновенно установилась тишина:

– Благодарю, сограждане, за вашу решимость. Но – прошу меня простить за то, что скажу сейчас. Я, конечно, хотел бы взять в своё войско всех!

Но ведь вы понимаете, что это – невозможно! Во-первых – дети. Негоже тем, кто ещё не повзрослел, рисковать своей жизнью. Поэтому вот ты, ты, ты, ты... – Фандор шёл по кругу, прикасаясь рукой к плечу названных, – Прошу вас – подождите. Когда станете взрослыми, и я буду уверен в ваших силах – сам призову. А пока – прошу вернуться к семьям.

Вздохи облегчения и гомон женских голосов сказал Корвину, что этим ходом Фандор если не полностью покорила сердца, то оказал сильное влияние на матерей семейств.

– Дальше. Битвы предстоят беспощадные, и кровавые. Враг силен – с этим нужно считаться. Если у нашего народа погибнут все самые храбрые и сильные его представители, враг будет только рад! Да и стратегический резерв способных сражаться – жизненно необходим. Поэтому я прошу оставшихся... Тянуть жребий.

Каждый второй должен остаться здесь – с нашими сёстрами, братьями и детьми – охотиться, чтоб у всех было пропитание. И надёжно охранять и защищать наш Лагерь, на случай, если драконы смогут найти его и напасть!

Тех же, кому выпадет честь биться, мы разобьём на два отряда – примерно по сто человек. Ста человек вполне хватит на полное уничтожение одной деревни-логова драконов. Если же нужно будет уничтожить крупное поселение, город, мы отряды будем объединять... Впрочем, как именно мы будем действовать, я расскажу только когда мы организуемся в полки.

Организация в полки легла на плечи Уткура и Корвина.

Тыловое обеспечение и фуражирование Фандор возложил на Голема – пожилого и опытного барона, сразу пожалованного графским титулом.

Граф Уткур и граф (Фандор в спешном порядке произвёл их тоже из баронов – в графы!) Корвин должны были руководить каждый – своим полком, а Голем – обеспечивать воинов обоих отрядов продовольствием.

– Итак, господа, вот мой план, – собрание полевого штаба проходило в большом зале покинутого дворца, который Фандор даже не попытался обустроить для жизни – понимал, что сейчас проведёт месяцы, если не годы – в походах, – Это – карта. Нашей страны.

Мы добыли её у драконов, как ни странно это звучит: подонки, готовые выгодно для себя лично торговать стратегическими секретами своей родины, своего Рода, среди них (К счастью для нас!) встречаются довольно часто... Так что скажем спасибо этим безвестным и безымянным «героям» – именно благодаря им мы узнали очень много ценной, первостепенной важности, я бы сказал, информации. Я не скупился. Прошу!

Корвин, как и двое остальных свежее испечённых графа, и шесть сержантов, возведённых в бароны из виконтов, склонились над немаленьким листом пергамента, думая, что уж по части предусмотрительности и хитрости, Фандору точно – равных нет.

– Как вы видите, крупных поселений – всего двадцать восемь. Мелких же – не менее двухсот шестидесяти пяти. Просто на карте ещё не обозначены те, что возникли за последнее... э-э... два года. Но поскольку они возникли именно на тех землях, с которых за эти два года вытеснили нас, мы и так почти все их знаем.

Вот мой план... – пока Фандор чётко и уверенно докладывал, тыкая в лист, разложенный на столе ногтем, и время от времени обводя всех глазами, Корвин тоже поглядывал: на остальных военачальников.

А что – трезвый выбор. Все сержанты сравнительно молоды и у всех в семье имелись пострадавшие – у Ватана убили сестру, у Чарльза – мать, у Доменика – младших братьев... Наверняка они горят жадой мести, и то, что эта месть будет носить, скорее, личный оттенок – только хорошо. Он и сам, потеряв родителей ещё мальчиком, прекрасно помнил гнусно-торжественное выражение лиц, вернее – рож, глумящихся, и только что не танцующих в мерзком хороводе над трупами, когда он сам чудом спасся, сидя в схроне на дубе, предусмотрительно сооружённым отцом, бароном Малькольмом Серым.

Нет, жалеть драконов, и даже их самок и отпрысков, никто из присутствующих не будет. Тем более, что если они и правда, будут следовать плану Фандора (Нет: Короля Фандора, верховного Главнокомандующего!), потери среди их войск будут минимальны.

А уничтожение врага – поголовным!

Первый уничтоженный посёлок драконов Корвин запомнил отлично.

До него было почти два часа пути – Фандор решил начать с самых отдалённых окраин страны, постепенно сжимая клещи их атак, так, чтоб у врага не оставалось надежды попросту сбежать к соседям, бросив пашни, деревни и луга.

Подлетели чётко: в обычном боевом строю, широко разойдясь от направляющего – штурмана. Когда Корвин увидел, что клин накрыл поселение, он скомандовал перестроение: клин преобразился в широкое кольцо. Корвин приказал спускаться: его зычный голос в предрасветной тишине не могли заглушить лай и злобное рычание нюхачей. К которому присоединилось мычание дойных, и дикое ржание ездунов в стойлах, и остальных животных, поколения назад сдавшихся, чтоб выжить, в плен драконов добровольно...

Опустившись, его полк оказался именно в такой позиции, которую они отработали на многочасовых тренировках: правильный круг, с деревней в центре.

Самцы-драконы начали выбегать из своих лачуг: полуодетые и с вилами-луками-мечами в руках.

Но что они могли сделать против всеокрушающей силы, которой обладал Род Корвина?!

Расправив плечи, он почувал, что злоба и жажда справедливого возмездия режут в нём мощным водопадом, преобразуясь в материальный образ! И вот эта жажда излилась из его пасти неостановимым испепеляющим фонтаном огня!..

Остальные, увидев его сигнал, тоже вступили в дело.

И вскоре те идиоты, что выбежали было на околицу, в попытках как-то остановить их неспешное и методичное продвижение, уже бегут, бросая в панике своё жалкое оружие, и закрывая головы лапами, назад – к центру деревни. На главную площадь. Где драконы вершили суд, торговали, решали внутредеревенские дела, и справляли свадьбы...

Корвин ощущал, что иссяк поток стрел, которыми их осыпали, в тщетной надежде пробить грудные панцири. Но методично продолжал извергать и извергать потоки огненных рек, что, словно коса самой Смерти, выкашивала фигурки, на глазах превращавшиеся в дёргающиеся и отчаянно вопящие головешки. Падающие и катающиеся по земле. Выскакивающие из своих деревянных домишек, и несущиеся туда, куда пока не доставало бушующее со всех сторон море пламени – море, созданное его людьми, его отрядом.

Закончилось всё очень быстро.

Потому что это – сам огонь, его сила и тёмное начало, так долго удерживаемое дисциплиной и железным самоконтролем воинов его Рода, нашёл, наконец, столь долго вождённую жертву.

Когда его люди сжигали детей и самок, сгрудившихся на центральной площади, уже только жалобно воющих и умоляющих, Корвин заставлял себя не отворачиваться, и досмотреть до конца. Он – командир. Должен показывать пример доблести, мужества, и стойкости к мольбам супруг и отродий драконьего племени!

А вы, подлые твари, прислушивались к мольбам наших детишек, жён, матерей?!..

Через час всё было кончено, и подвалы и сараи дымящихся развалин, что когда-то были домами, зачищены. Колодцы – засыпаны. Подлетевший взвод фуражиров графа Голема приступил к извлечению из бывших хлевов поджаренных тел дойных и ездунов – на ближайшие два дня питание отряда Корвина должно быть полноценным.

Запасы огненноносной жидкости в печени нужно восстановить.

Боевое крещение отряда Уткура состоялось на следующую ночь.

Им пришлось лететь дольше: на уединённый полуостров, где жили какие-то рыбаки.

Как рассказывал Уткур, они даже пытались прорваться к своим лодкам. Или просто – к воде, чтоб скрыться от огненного шквала, созданного людьми. Наивные.

Уж если Род Корвина брался за что-то – он делал это на совесть!

Не ушёл ни один!..

И это полностью соответствовало плану Фандора: не должно оставаться ни одного свидетеля! Чем позже твари узнают, что началось их планомерное уничтожение, тем лучше! Не успеют придумать никакого нового оружия!

А старое – рогадины, вилы да стрелы с копьями – людям не страшно!

Окончательной победы пришлось ждать более двух лет. Потому что работать полки могли только через день: быстрее запасы жидкости не восстанавливались даже у взрослых и сильных мужчин. И – даже при полноценном питании...

Вот так, методично и кропотливо, безжалостно, как поступали и с ними, люди уничтожали проклятых драконов. Где-то к концу второго года Корвин, насмотревшийся на отчаяние тварей, уже начал испытывать к ним нечто вроде сострадания: тоже, всё-таки, живые существа! Однако Фандор, чётко просекавший ситуацию в войске, провёл очередное Собрание, где высказал то, что мучило не одного Корвина:

– Братья и сёстры! Я знаю: глядя на страдания драконов, многие из вас начинают жалеть их. Думают, что те – тоже живые, и чувствующие существа!

Всё верно.

Они – *живые*. Были бы они скалами, или реками, или дубравами – никто и никогда не тронул бы их!

Потому что скалы и реки, если и отбирали жизни наших сограждан – это происходило случайно. И не было, да и не могло быть злобного умысла – у скал и рек!

Драконы же – живые. Как и мы. И мыслят. Именно поэтому они и издевались над теми, кто, как им казалось, слабее их. И методично вытесняли нас с насиженных, и обжитых веками, мест! И – вы знаете! – часто бывали безжалостны и беспощадны. Тем, кого они брали в кольцо, шанса спастись даже бегством не давали! Ни малейшего! Потому что они отлично понимали: или – они нас, или – мы – их!

Так что прислушивайтесь к голосу своей совести... Но помните!

Или – они нас, или – мы – их! Речь идёт о наших детях! Которым жить на этой земле, земле предков! А если мы не очистим её от скверны присутствия драконов, рано или поздно всё повторится!

И драконы будут знать о нашей реальной силе, и смогут, возможно, найти что-то новое, смертельное для нас! Потому что по части изобретения нового смертоносного оружия, вроде больших самострелов, им равных нет!

Подумайте же и решите – готовы ли вы ради наших жён, матерей и детей, загнать в глубину души муки этой оупляющей и превращающей человека в никчёмный студень, гадины – совести?! И закончить то отвратительное, но нужное дело – полное уничтожение тварей, что так долго и безнаказанно распоряжались всем в нашей любимой стране?!

Новое голосование показало, что против не высказался никто. Зато многие от голосования просто воздержались. Да и в глаза Фандору многие старались не смотреть...

К счастью, среди воинов таких «колеблющихся душой» не оказалось!

Так что война на истребление продолжилась.

Последний город, тот, что раньше считался столицей, уничтожали даже с помощью волонтёров из молодёжи – периметр оказался настолько велик, что взять в кольцо без брешей не могло даже объединённое войско.

На сжигание и зачистку ушло три часа.

Нападение Фандор приказал начать вечером – чтоб «привыкшие» к ночным атакам драконы оказались не готовы. Оно и верно: те оказались не готовы.

Даже пять самострелов, куда крупней и мощней тех, из которых во время предыдущих налётов было убито два бойца отряда Корвина, и три – Уткура, оказались без наконечников стрел: их только-только выковали в местных кузницах, не успев закалить.

А простыми железными броня чешуи человека не пробивалась.

Фандор, лично руководивший с холма штурмом столицы, выслушал рапорт Корвина, а затем и Уткура, спокойно. Эмоций на его лице Корвин не заметил. Да и вообще: за последние два года Корвин понял, что лицо их Короля стало словно жёстче. Скульптурные, резкие черты, словно стали ещё чётче, рельефней.

Суровая красота последовательного в своей целеустремлённой и сознательной жестокости, человека. Короля.

Да и как могло быть по-другому?!..

Хотя Корвин почему-то всё чаще думал, что... Могло быть и по-другому.

Договориться? Выделить... Резервации? Хм-м...

Сомнения – не лучший помощник воина.

Фандор сказал:

– Я видел двух выживших. Вон там – за рекой.

– Прикажете уничтожить, сир?

– Нет. Я хочу видеть их живыми. Сейчас.

– Есть, сир. Павел, Тарпон, – Корвин обернулся к своим помощникам, ожидавшим приказаний за его спиной, – Доставить этих драконов сюда. Живыми.

Сержанты мгновенно взвились в воздух – хлопанье могучих крыльев сказало о похвальном рвении и радости: наконец-то!

Проклятая война окончена замечательной победой, и сейчас можно будет вдоволь любоваться на *последних* драконов! Корвин буквально чувствовал эмоции, мысли подчинённых! Да и сам испытывал: подъём – с одной стороны, и некое разочарование – с другой.

Разочарование в драконах. Не смогли они оказать хоть сколь-нибудь достойного сопротивления, когда люди всерьёз и *дружно* взялись за дело!

Подлетели Павел и Тарпон: драконов аккуратно держали в пастях. Когда их выпустили на землю пред очи Короля, доставленные сразу вскочили, встали плечо к плечу. У самца в руке оказался камень – кресало, что ли? Но он не спешил им воспользоваться – трезво оценивал ситуацию.

Спасшиеся оказались подростками. Нет – даже детьми. Лет по семи.

– Убить их, сир?

– Нет. Я хочу поговорить с ними.

– Но ведь они – дети? Вряд ли они хоть что-то понимают, сир!

– Ничего: то, о чём я спрошу, они поймут. – Фандор неторопливо, с излишне нарочито, как показалось Корвину, гордым видом, приблизился к детям на пять шагов.

– Приветствую вас, последние в своём роде.

Ответа Фандор не дождался. Только сверкал искрами взор мальчишки-самца, да зло вперились Королю в лицо глаза самочки.

– Хочу спросить тебя, мальчик. Почему ты не стал спасаться в одиночку, когда твоя подруга не могла больше плыть, а, рискуя и сам утонуть – я видел! – поддерживал над водой её голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.